Некоторые тайны лучше не открывать
ЭЛЕКТРОННАЯ БУКВА 2022
ЛОНГ-ЛИСТ
ЛитРес:
ВОЛК В ЕЕ ГОЛОВЕ
Андрей Терехов
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Андрей Терехов

Волк в ее голове

«Автор»
2022

Терехов А. С.

Волк в ее голове / А. С. Терехов — «Автор», 2022 — (Волк в ее голове)

У десятиклассника Артура есть проблема: он толком не умеет писать. Это называется дисграфией. Есть у Артура и вторая проблема – бывшая подруга Диана, которая молчит уже полгода и пугает окружающих своим поведением. Это называется заноза в заднице. Артур пытается понять причины молчания Дианы и погружается в мрачные тайны ее семьи, протянувшиеся через десятилетия. Сможет ли он вытащить девушку из этого порочного круга, прежде чем случится ужасное? Сможет ли выбраться сам?В основу романа лег ряд нераскрытых убийств 1980-х, а также 2000-х годов.Книга вошла в лонг-листы премий "Русский детектив" и "Электронная буква" 2022 года.«Рекомендую тем, кто обожает все загадочное и непонятное, тем, кто любит читать про школу и школьников (здесь очень выразительный слепок со школьной жизни), тем, кто подобно мне обожает, когда автор использует все богатство русского языка, не ограничиваясь набором шаблонных фраз и простых предложений». - Anastasia246, эксперт Лайвлиба.

© Терехов А. С., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Часть первая. Пауки во мне 5
Сон первый. Холм смерти 6
Сон второй. Печаль не будет длиться вечно 13
Сон третий. Музыка остаётся, голоса исчезают 23
Сон четвёртый. Молчание 31
Сон пятый. Сквозь приоткрытую дверь 38
Сон шестой. Электрический прибой 42
Сон седьмой. Дома стоят дольше, чем люди 50
Сон восьмой. Изнанка 58
Сон девятый. Орфей спускается в ад 69
Сон десятый. Она 81
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Андрей Терехов
Волк в ее голове

Часть первая. Пауки во мне

Уничтожает всё кругом:
Цветы, зверей, высокий дом,
Сжуёт железо, сталь сожрёт
И скалы в порошок сотрёт,
Мощь городов, власть королей
Его могущества слабей.
Загадка из книги Дж. Р.Р. Толкина «Хоббит»

Сон первый. Холм смерти

Послушайте, я, конечно, мог бы рассказать очередную историю взросления с нравоучительным финалом, но, простите идиота, этого не будет.

Будет мёрзлый, звериный, колючий полумрак; будет (минуты через две) хорошенькая и не очень счастливая девочка. Хтоническая жуть древнего холма, северное сияние, каменный лабиринт и подросток с чрезмерной склонностью к рефлексии и сарказму (ваш покорный слуга).

Что ещё сказать? Радость лжива, печаль бессмертна, а эволюция вместо сильнейших отбирает психологические уродства.

Если вы не передумали, я досчитаю до трёх и мы начнём.

Раз…

Два…

А-а-а, пока не забыл – оденьтесь потеплее. Как бы не май месяц.

Итак, раз…

Два…

Под моими ногами с хрустом проламывается снежный пласт, и ледяной воздух обжигает ноздри.

Мне тринадцать. Семнадцатое февраля, девять нуль две. Дубак. Дубище. На рассвете шибануло в минус двадцать четыре, а с полудня температура упала ещё на десяток градусов. Того и гляди замёрзнет свет звёзд.

Ноги дрожат от усталости, лицо обгрызает колючий ветер. Забавно: всю сознательную жизнь я терплю этот потусторонний зимний ад и должен бы привыкнуть – но нет.

Даже вот на столечко.

Над головой изгибаются тяжи северного сияния, и зелёно-фиолетовые отсветы перетекают с крутого склона на узкую тропинку между елями. Снег клоками свисает с ветвей и иногда падает с суховатым «пух-х-х…».

Холм смерти. Подобные названия не дают зря, согласитесь? Официальная версия гласит, что во времена неолита некие инженеры построили на вершине каменный лабиринт и не то погребали там кого-то, не то ловили рыбу. В общем, с предназначением древней конструкции могу ошибаться. С эпохой тоже, но слово «неолит» мне очень-очень нравится, и я готов произносить его часами: неолит, неолит, неолит, неолит, неолит, неолит… ну, вы поняли.

Ещё десяток метров остаются за спиной, и я утыкаюсь в сетку ограждения. Посреди неё оскалилась дырища с меня ростом, рядом поскрипывает на ветру люминесцентная табличка «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!».

Я невольно приостанавливаюсь. Пока тело приходит в себя от подъёма, под кожу забирается страх, карабкается мурашами по спине и шепчет в уши: «Тебе это не нужно…»

Да уж. Ни капли.

Глубокий вдох – и я лезу через отверстие в ограде. Острые края проволоки царапают висок, сдёргивают шапку.

– Ай!

Кожу на голове покусывает мороз. Я забираю шапку обратно и, кляня всё на свете, поднимаюсь выше. Голени ноют от тяжёлого подъёма, дыхание сбивается. Ветер завывает раненым животным: дерёт щёки ворохом колючих льдинок, воняет горелой резиной.

На гребне холма я замечаю Диану. Она греется у железного бочонка в центре каменного лабиринта, и тени трескучего костра пляшут на бледном лице.

Как описать её? Представьте девочку, которая здоровается со всеми прохожими (те угрюмо молчат в ответ) и знает отличия трилобитов от белемнитов. Ещё у неё диабет, и в любую погоду мёрзнут руки – так, что прикосновение к ним навевает мысли о ледяной смерти. Внешне? По-моему, Диана более всего напоминает рыжую сосиску, на которую натянули одежду. Сегодня к нашему вниманию: чёрная парка, розовая шапка-менингитка с белыми рогами и красные штанцы. Вот такая длинная сосиска: выше меня сантиметров на двадцать, тощая, с поцарапанной мордочкой. Впрочем, Диана всё время выглядит так, словно бежала из концлагеря.

В первом классе мы с ней друг друга ненавидели. Она спорила со мной ПОСТОЯННО. Я говорил одно, а Диана всегда доказывала противоположное. Мы дрались, кусались и визжали, как два поросёнка.

– Чел, я три «о».

– М-м… околдована?

– Я О-коченела, О-тупела и О-фонарела тебя ждать.

– Соря-я-я-ян. С Валентосом по телефону заболтался.

– С кем с кем?

Диана хмурится и складывает руки на груди.

Для справки…

СПРАВКА

Валентоса я знаю с осени. Единственная радость, которая скрашивает сей малоприятный факт, что меня сослали в валентосовский «В», класс для дЭбилов, а Диану оставили в «Б». Валентос у всех цыганит жвачку – непременно по две подушечки, как в рекламе, и одну отдаёт мне. А ещё он даёт списывать, и, наверное, мы бы отлично дружили, если бы не рыжая-сами-знаете-кто.

– Ладно тебе! Он тебя поздравить хотел и всё такое… Угу.

– Угу! Надеюсь, ты не позвал сюда эту рыбу-прилипалу?

– Ну…

Я виновато улыбаюсь, и Диана вскидывает руки.

– О, Господи!

– Он хочет подарить тебе подарок.

– О! ГОСПОДИ!

– Попробуй сосредоточиться и посчитать от двухсот девяносто пяти в обратную сторону. Ну вот какая вот разница, кто чей дед?

– После того, как этот твой дед…

– Не мой.

– …промыл маме мозги этой своей пустынью? – Диана показывает варежкой в сторону огней Северо-Стрелецка. – Мне теперь – посчитать и забыть?

– Валентос про Бога не трындит. Разве что про Тора.

– Вот с ним тогда и гуляй, и живи, и… и обряд тоже с ним сделаешь. Три «с» тебе.

Диана складывает руки на груди и отворачивается. Иногда она очень упрямая и это ОЧЕНЬ бесит.

– А первое «с» где?

– Не знаю. Не важно!

Я размышляю, в каком слове Диана нашла первое «с», но потом соображаю, что для таких дум слишком холодно, и примирительно улыбаюсь.

– Обнимашки?

Диана, не понимая, смотрит на меня.

– Чего?

– Обнима-а-а-ашки-и-и-и, – я выпучиваю глаза, поднимаю руки и, как зомби, топаю на Диану. – Обнима-а-а-ашки-и-и-и.

Диана отступает от меня, едва не заваливается в огонь и с обречённым видом скрещивает руки. Я повисаю на ней всем весом, как орангутанг на дереве.

– Чел, – Диана изображает скучающий вид, – сознаёшь ли ты, что весишь с тонну?

– Я обнимашечный демон. Не могу же я весить как… пёрышко.

– Пожалуйста, обнимашечный демон, отзови своего прилипалу. Пожалуйста-пожалуйста!

– Вот объясни, как можно «отозвать» человека, если он хочет подарить подарок?

Диана задумывается на секунду, потом радостно вскрикивает и скачет вокруг.

– Скажи, м-м, что у тебя понос, и это заразное. И фурункулы! Понос и фурункулы! – Она морщится. – Бу-э-э-э! Аж самой противно!

– Я так делать не буду, – в моём голосе прорезаются железные, батины нотки, и мордашка Дианы вытягивается.

Секунд десять мы безмолвно таращимся друг на друга. Постепенно плечи Дианы округляются, она чуть наклоняет голову и исподлобья смотрит на зелень северного сияния.

Я понимаю, что переборщил, и тараторю:

– Сделаем тут всё, он подарит, и пойдём в ТЦ кататься на эксала… эскалаторах.

Лицо Дианы выражает скепсис, и я добавляю:

– Или домой к нам. Учитывая боевые действия, он там точно долго не останется.

Диана стонет.

– Чего там с нашими безумными предками?

В голове неприятно вспыхивает картинка: Вероника Игоревна после ссоры с батей, у нас дома. Она только вышла из комнаты «родителей», и сквозь застеклённую дверь протекает голубоватый свет телевизора. Лицо Вероники Игоревны отвёрнуто от меня, из причёски выбились рыжие пряди и скрыли чёрные глаза. Я только и вижу, что линию подбородка и губы, которые

сжимаются в ниточку. Ворот белой рубашки расстёгнут – сколько помню, Вероника Игоревна всегда щеголяет в этих мятых белых рубашках, – рукава неаккуратно, по-мужски, закатаны до локтей и приоткрывают созвездия родинок. Я смотрю на Веронику Игоревну и чувствую себя до предела неловко, будто подглядывал в замочную скважину, и меня застали с поличным.

– Ну-у, что?.. Мой батя сказал, что я тупой, потому что ему позвонила Влада Валерьевна и нажаловалась, что в сочинении я ни одного раза из тринадцати не смог написать одинаково фамилию этого г-городничего. А твоя мама стала меня защищать. А потом… потом мой батя предложил ей ещё раз уйти жить в пустынь и никому ничего не объяснять, а твоя мама начала бить посуду.

– Опять? – Диана корчит измождённую рожицу. – У нас тарелок скоро не останется.

– Батя ей то же самое сказал. И твоя мама ушла куда-то, а мой батя заперся в комнате с бутылкой «На берёзовых бруньках» и альбомом «Машины времени».

– Похоже, я вовремя свалила.

Диана смешно растопыривает руки, но мордашка её грустнеет.

Да, с предками дело не задалось, иначе не скажешь. Не то чтобы наша семья совсем пропащая: например, Диана придумала трёхминутки нежности, когда кто-то один орал благим матом «трёхминутка», а остальные (в идеале) бежали друг к другу и обнимались. Как мама Дианы и мой батя съехались? О, это отдельная песня, достойная современного трабаду… трубуду… а, неважно.

Тем временем Диана вытаскивает из рюкзака-осьминожки пару деревянных куколок – мужскую и женскую. Чувствуя неприятный озноб, я подхожу к бочке, в круг резиновой вони и бронзового света. Лицо обдаёт горячим воздухом, пальцы отмерзают и покалывают.

Диана снова зарывается в голову рюкзака-осьминога. Что-то блестит в свете костра, и живот мне скручивает от страха.

– Готов? – Диана подходит к бочке, снимает варежки и отдаёт мне мужскую куколку. Чёрные глазища упорно высматривают что-то за моей спиной в зеленовато-фиолетовом полумраке. – Готов или нет?

Какое-то давящее, тревожное чувство появляется в груди, но я киваю. Пламя отражается в игле для инсулинового шприца. Диана медлит секунду и резко протыкает кожу на мизинце. Я чувствую, как напрягаюсь, лицо Дианы и вовсе без слов говорит «блевать». Через секунду она собирается с силами и мажет кровью деревянную куколку. Шприц будто гигантское, раскалённое жало переходит ко мне.

Ох-х. Я неуверенно стаскиваю варежку, и пальцы мигом снова немеют на ветру. На шее поднимаются от страха волоски.

Чересчур сильный удар воткнёт иглу в кость. Слабый – не пробьёт и кожи. И вообще я избегаю колюще-режущие предметы.

– Чел, если боишься, ты всегда можешь бросить нашу говназию и стать… Пост-панк-прогрессив-металлистом! Там много ума не надо.

Чтобы вы понимали, у Дианы под паркой спрятался пунцовый кардиган с «Фекальным вопросом». А дома электрогитара с логотипом «Фекального вопроса» (угадаете с трёх раз, каким?) и плакаты всех его альбомов. Не говоря о значках, которые пришпилены на рюкзак-осьминожку, на бок рогатой шапки и чёрт знает куда ещё.

– Ничё я не боюсь.

– Чел, у тебя коленки трясутся.

– Ничё у меня не трясётся.

Диана изображает лунную походку в каменном лабиринте, и её тень то удлиняется, то укорачивается – пульсирует на снегу.

Помните, я говорил о ритуалах погребения на холме? На какой-то экскурсии нам рассказывали, что живого человека тропинка между камнями всегда приводит обратно ко входу.

Мертвеца же лабиринт затягивает, как водоворот, и больше не выпускает наружу. Меня рядом с этими булыжниками постоянно берёт оторопь – будто чувствуется ледяное прикосновение времени?.. древности?.. тлена?..

Я зажмуриваюсь и шпарю иглой по одеревенелому от холода пальцу.

– Вот сука!

Мой возглас замерзает с дыханием в морозном воздухе. Глазам делается тесно в орбитах, кожа на спине выпускает мураши. На мизинце набухает тёмно-алая капля.

– Чел, если ты ещё раз выругаешься, я заклею скотчем уши и с тобой месяц разговаривать не буду, – недовольно бурчит Диана и вновь складывает руки на груди. Ходить задом наперёд она не прекращает.

– Сорян. Хотя твоя мама вчера так сказала.

– Хочешь быть похожим на мою маму? Может, тоже в пустынь свалишь?

Голос у Дианы подрагивает, и я поспешно отвечаю нет, хотя у Вероники Игоревны это «вот сука» вчера вышло так смачно, что второй день приплясывает на кончике языка.

– И с кем она теперь пособачилась?

– Да не. – Я мажу кровью фигурку и выкидываю шприц. – Это когда мы гидростатикой занимались…

– «Занимались»?!?!

– Ну-у-у… – Я поднимаю взгляд на Диану и по её насупленному лицу догадываюсь, что разговор свернул на опасную дорожку. – Как бы…

– То есть моя мама учит тебя какой-то «гидре», и никто не подумал мне сказать?

– Не то чтобы учит… – Я перебираю слова, как сапёр проводки на бомбе. – Думал, ты знаешь.

– Похоже?

– Ладно тебе!

– Чего ладно? Почему я всё узнаю последней? Что наши предки встречаются – я узнаю в день переезда. Что моя мама решила жить в православной секте – я узнаю от твоего отца. Что моя мама занимается с тобой этим обдолбанным гидростроением, я узнаю…

– Гидростатикой.

Голос Дианы спотыкается, она глупо открывает-закрывает рот.

– Твоя мама – единственная училка, которая не зовёт меня «средним идиотом», – я развожу руками, – дебилом, бревном, буратино и тому подобными… нарицательными.

Диана демонстративно улыбается и продолжает путь задом наперёд – теперь уже обратно, от внешнего края лабиринта к центру. Минуты две проходят в молчании. Постепенно лицо Дианы разглаживается, и только губы её вытягиваются в трубочку. Лишь когда ушей достигает свист, я догадываюсь, что она продолжает обряд.

Насколько же всё это глупо.

Круги лабиринта медленно возвращают Диану к бочке, свист блуждает по нотам, пока не сливается с ветром в унисон. Возникает ощущение, что воздух поёт на древнем, мёртвом языке, звенит роем ледяных игл.

Бр-р-р.

Диана шагает к бочке, пересекая центр лабиринта, и вздымает руку с окровавленной куколкой. Свист оглушает, чёрные глаза выжидательно смотрят на меня.

Я поёживаюсь и заношу мужскую фигурку над огнём. Облизываю потрескавшиеся от мороза губы, бросаю взгляд на Диану.

Она кивает.

– Чтобы… – Я прочищаю горло и безуспешно стараюсь переорать хор Дианы и ветра: – Чтобы хоть по одному предмету у меня были нормальные оценки. Типа того…

Я морщусь от собственного неверия, от косноязычия и брезгливо, как грязные трусы, бросаю деревянную куколку в пламя. Она мгновенно исчезает в огне, и только сноп искр вырывается из недр бочки.

Звук ветра меняется, и я не сразу понимаю, что Диана перестала свистеть.

– Чтобы больше никогда моя мама… – она пристально смотрит мне в глаза, – чтобы никто никогда не оставлял меня одну!

Диана поправляет светло-ржавые пряди, которыми ветер укрывает её лицо, и подносит ножки куколки к потокам пламени. Две женщины зачарованно изучают друг друга: деревянную пожирает огонь, у живой – языки костра пляшут в чёрных глазах.

– Теперь всё? – спрашиваю я, когда Диана отпускает фигурку и та камнем летит вниз.

Диана вздрагивает и смотрит в мою сторону: молча, бессмысленно, словно не видит и не узнаёт. Проходит мгновение, другое, пока её взгляд не проясняется.

– Чел, ты такой трусишка.

Слова Дианы тяжестью повисают на шее, и я неохотно выхожу из каменного лабиринта, приближаюсь к краю вершины. Нутро сковывает от ужаса, волосы встают дыбом.

Мы на чёрт-те какой высоте. Посмотрите сами: ледовая тропинка тянется бесконечно вниз, и вниз, и вниз – и без вести пропадает в хмари карьера.

Не знаю, как вели себя древние люди в оригинальном обряде, но более идиотского способа доказать языческим богам, что ты смел и достоин небесной помощи, не придумаешь.

Я закрываю глаза, считаю до шести и снова опускаю взгляд. Ничего не меняется: страх всё так же парализует меня и всё так же под ногами разверзается мёрзлая пропасть. Садишься и едешь. Ничего сложного. Абсолютно.

Я стаскиваю с плеча ремень ледянки и плюхаю её в снег. На большее сил нет, если вдруг не появится щепотка той самой храбрости, которую требовали с наших предков древние боги.

За спиной трещит наст. Мимо прошмыгивает Диана, похлёстывая меня рыжими, похожими на перья снегиря волосами, и с любопытством смотрит вниз.

– Боишься? – участливо спрашивает она, и я признаюсь:

– Угу.

Огонь в бочке притухает, и снег вокруг чернеет, уходит в тень.

– Фух! Еле вас нашёл! – доносится сзади голос. Звучит он как у мальчишки, который очень спешил и запыхался. – Вы видели знак, что тут опасно?

Диану перекашивает. Я оглядываюсь: к нам идёт толстоватый парень с красным от мороза лицом и подарочным пакетом.

– Чел, запомни это для истории. – Во взгляде Дианы мелькает что-то задорное и… не знаю – идиотское?

– М-м?

Она чуть разбегается, прыгает на ледовую тропинку и летит вниз, в темноту. Летит без опоры, без поддержки, балансируя на тонких – как это возможно? – ногах, визжа от агонии бешеного восторга:

– Расскажешь моим ВНУ-У-У-У-КА-А-А-А…

Рыжие волосы-перья бросаются к небу, к призрачно-зелёным тяжам в густой черноте, и ныряют за гребень холма.

Моя рука тянется следом, как и вопль «Диана?!», который не сорвался с губ. Сердце бьётся где-то в горле, будто это я только что проделал сумасшедший трюк и съехал СТОЯ с Холма смерти. Но я лишь смотрел – как зачарованный, как загипнотизированный, – пока юная оторва это вытворяла. Делала, блин, историю.

Вы встречали людей, которые вас поворачивают, как рычаг? Вбок, в сторону – куда раньше и не смотрели? Наверное, я бы забил на всё ещё минуту назад. Тридцать секунд назад

я знал, что развернусь и не поеду, что плевал на эти обряды. Но уйти теперь, когда девчонка оказалась смелее? Когда съехала на ногах, словно… словно…

Да кто так вообще делает?!

Я подхожу к самому краю. Лицо обжигает студёным воздухом, ноги подкашиваются. Конца ледового спуска не видно, и Дианы не видно – её съела потусторонняя темнота внизу.

Я не рассказывал, как лет пять назад здесь разбилась одна девушка? С тех пор число экстремалов поубавилось, и карьер с Холмом огородили, но – толку то? – на любую ограду найдётся Диана с кусачками.

– Ты ей говорил, что у меня подарок? – доносится обиженный голос Валентоса.

Я сглатываю. Костёр в бочке дотлевает, и к звёздам вытягивается султан чёрного дыма. Вершину холма поедает зелёно-фиолетовый полумрак, а в мыслях закольцованным видеороликом крутится, как рыжие волосы взлетают к небу и растворяются в темноте. Я же не трусливее девчонки? Нет?

– Ну почему она всегда так? – раздаётся всё ближе голос Валентоса.

Щёки обжигает от стыда. Я зажмуриваюсь, а потом без разбега, как камушек в пропасть, падаю на ледянку и лечу с холма. Сквозь посвист ветра меня догоняет изумлённый вскрик Валентина. Сердце ухает вниз, желудок подпрыгивает. Земля выскальзывает из-под ног, попу подбрасывает и больно бьёт о седушку.

– Артур?! – с искренней обидой кричит Валентос. – Я же к вам… с вами!..

На душе становится тяжело.

Я открываю глаза. Воздух свистит, ледянка свистит, и я верещу вместе с ними. От радости, от страха, от стыда перед Валентосом. От этой морозной черноты, в которую я лечу винтовочной пулей, разгоняясь всё больше, всё страшнее, так что ледянка бешеным зверем бьётся подо мной.

Я съехал с Холма смерти.

Я это сделал.

Сон второй. Печаль не будет длиться вечно

2018 год, мне семнадцать. Впрочем, считать вы и сами умеете.

Я сижу за сине-зелёной партой в новеньком, как запакованный «Лего», кабинете химии. За окном укрывается белым одеялом городское кладбище. На его фоне замерли силуэты учеников, и фигура Вероники Игоревны венчает безмолвные шеренги. Она оперлась руками на стол, а спину наклонила вперёд. Кажется, что-то на улице привлекло её внимание, и мама Дианы окаменела в задумчивости.

Парят, свистят трубы отопления. Шуршит мартовский снег: белит чёрные ленты кладбищенских дорожек, одевает шапками кресты. Зима стоит, не отступает. И ещё пару недель она продержится, ещё подремлет в ледяных тенях остов Северо-Стрелецка, а потом зарядят дожди. Смоют в канализацию реагенты, прибьют к земле грязно-ноздреватый снег. Брызнут солнце, зелень и цветы, и небо вспыхнет ясно-синим – весна войдёт в свои права.

Но это потом, а пока кто-то кашляет, кто-то шуршит одеждой. Ветерок вздёргивает занавеску, куполом надувает платье Вероники Игоревны, и вырывает прядь-другую из рыжего хвоста её волос.

Я моргаю, прогоняя туман из глаз, и всматриваюсь в точку, которая загипнотизировала маму Дианы. Это цифра 4. Её выцарапали на мутном стекле, на фоне серого марта, снега и кладбища.

В солнечное сплетение вонзаются коготки страха.

Весна.

Господи, всего год до конца гимназии.

Ещё будто вчера я цепенел у ледяной дорожки, и рыжие волосы Дианы взлетали к северному сиянию, а теперь…

Я взрослый?

Я ведь совсем взрослый.

Вероника Игоревна по-прежнему не двигается, и я поёживаюсь. Тягостное чувство только усиливает новый кабинет химии. Он выгорает сумеречным, эктоплазмическим пламенем: языками голубого, сине-зелёного, лазурного и фиолетового оттенков, которыми выкрасили стены и парты. На потолке синий огонь алеет, будто над морем загорается закат. Рисованный пожар, а с ним, зловещей иронией, живёт в памяти пожар настоящий, что погубил вместе с подсобкой старый химкабинет.

В голове мелькает не столько картинка – ощущение: мы с Дианой толкаемся плечами на пороге. Стены и потолок скрываются в черноте, пахнет гарью, а от Дианы – ацетоном, ибо у неё зашкалил сахар.

Когда же это случилось? Три? Четыре года назад?

– Ты понимаешь, чё происходит? – спрашиваю я Валентина. Он обрабатывает в айфоне застывшую Веронику Игоревну: подрисовывает нимб, крылья и табличку: «Не будить до конца света».

О да, это Валентин, не удивляйтесь. Полноватый мальчик с открытой, добродушной мордочкой канул в Лету, чтобы на его месте выросло стодевяностосантиметровое верзилло. Оно застёгивает до ворота белые рубашки, закупоривается в серые костюмы и собирает длинные волосы в хвост – будто уже сейчас готовится принять сан вслед за дедом. Разве что глаза Валентину оставили прежние: жёлтые глаза нечеловеческого оттенка, какой встречается лишь у ифритов из арабских сказок и диких зверей.

От этого неполного соответствия между реальным Валентином и его двойником из книги воспоминаний у меня постоянно возникает неприятное, зудящее чувство. Как если бы я увидел рассинхрон, зазор в ткани пространства-времени.

– Твоя Мадам Кюри зависла, – с запозданием подмечает Валентин и постит облагороженный портрет Вероники Игоревны в «Почтампъ».

– Чё она моя-то?

– Прости?

Я рычу и спрашиваю громче:

– Может, не надо её в инет?

– Прости?

– Ой, да иди ты в пень!

Я машу на него и смотрю на Веронику Игоревну. Она так и не шевелится, и это до ужаса пугает. Будто горгона Медуза посмотрела по глупости в зеркало и окаменела от собственного проклятия.

Нет, не то.

Сейчас…

Нарисуйте в воображении огненноволосую химичку-физичку лет тридцати пяти. Неуместно красивую. Красивую, как долбаные ведьмы, которых штабелями сжигали в средние века, красивую настолько, что у вас перехватывает дыхание.

Она неряшлива, она покусывает изнутри щёку, когда задумывается; её длинные пальцы облеплены грязными пластырями, по которым плачет санэпиднадзор. Она не ставит четвёрок, а только двойки-тройки-пятёрки. Вы уже догадались, что цифра на окне появилась не случайно?

Вишенка на торте: IQ Вероники Игоревны под 160 или сколько-там-бывает-максимально. Нет, это сложновато вообразить, так что засучите рукава – сейчас будет метафора.

МЕТАФОРА

Вы не смотрели ужастик, где в уши героям забирался инопланетный червь и пожирал мозги? Представьте человека, мозг которого поедает этих тварей сам. Так, на завтрак, в перерывах между кофе и омлетом.

Опа – и нет червя!

Вероника Игоревна. Поверьте, столь умные, красивые и язвительные классные руководители встречаются редко.

«Артур Александрович, снова будете с моей дочерью ворон ловить?»

И всё же она единственный учитель, который стоил этих мучений в гимназии. Возьмите хотя бы электив по гальванике или наш чудо-класс. Или интерактивную доску! Её привезли в феврале, и нам разрешат писать на ней пальцем, как на планшете.

Пальцем, Карл!

Сегодня мы выпускали змею из таблетки, а теперь «воскрешаем» знаменитостей. Если не верите, взгляните на доску:

Шуберт 1797–1828 (31 год) – тиф

Вагнер 1747–1779 (32 года) – туберкулёз

Гауф 1802–1827 (25 лет) – тиф

Ван Гог 1853–1890 (37 лет) – безумие

Чайковский 1840–1893 (53 года) – холера

Рафаэль 1483–1520 (37 лет) – сердечная недостаточность.

Увидели годы жизни и болезни под портретами? Каждая парта ищет в справочниках РЛС таблетки, которые вылечили бы наших гениев, если бы появились не в XX веке, а раньше. На нас с Валентином свалился Ван Гог: безумие, эпилепсия, гонорея и бог знает что ещё. Когда я таки отыскал подходящее вещество, Валентин пошутил: мол, спасти – не спасём, но хотя бы душу художнику вылечим.

Как вы понимаете, меня вырубает на любых уроках, кроме химии и физики, но накануне Вероника Игоревна прислала ссылку на статью о кевларе (из его волокон плетут ткань бронежилета, на секундочку, и, ещё на секундочку, придумала его женщина). В результате я сам себе напоминаю вампира, которого солнечным днём подняли из гроба.

Голод.

Раздражение.

Сонливость.

В классе смелеют. Парни шепчутся, ржут, пинают друг друга. Девки фоткают Веронику Игоревну на телефоны, выкладывают её в Instagram, в Telegram, в Почтампъ и тут же комментируют. На экранчике моего телефона, который подрёмывает в углу стола, одно за другим вспыхивают оповещения из чата класса.

ПОЧТАМПЪ сейчас
Ленка Павликовская
Вот это лицо XD

ПОЧТАМПЪ сейчас
Олег Петраков
Перезагрузите её нахер

ПОЧТАМПЪ сейчас
Митяй Басов-Яроцкий
Когда говняку съела))

Дегенераты.

Едва появляется новый коммент, по классу – окей, по той части, у которой телефоны, а не булыжники – разносится многоголосый «би-бип». За «би-бип» следуют шепотки, за шепотками – звуки жизнедеятельности. Кто-то шмыгает носом, кто-то пускает «шептунчики», кто-то зевает.

И снова – «би-бип» от новых комментов.

Поразительно: ещё четыре года назад люди писали друг другу СМС – теперь пришли чаты. Пулями летают фотки, видюшки, аудиосообщения. Телефоны худеют, экранчики растут. У каждого второго гимназиста появился личный карманный интернет, а с ним и удалённый доступ ко всей галактике Млечного Пути.

К вечеру из Вероники Игоревны сварганят мем, и она поселится в Google-поиске – где-то между Хитрым планом Путина и печальным Киану Ривзом.

[фото Вероники Игоревны]
КОГДА СПЬЯНУ НЕ ПОМНИШЬ, ПОСРАЛ ИЛИ НЕТ

Вы слышали выражение «испанский стыд»? Нет? Тогда вспомните, как ощущали неловкость за чужого человека, будто сами попали в глупую ситуацию. Если верить Википедии, благодарите за такое счастье «зеркальные нейроны». Красивое название, не правда ли? Ещё поблагодарите эти клеточки за печаль, когда грустят рядом, и за веселье, когда раздаётся смех. Или за человека, с которым никак не разойдётесь, шагая навстречу друг другу, и один в один повторяете движения.

Поразительно: мой разум не запоминает, как употребляется «не» с наречиями, но статья о зеркальных нейронах врезалась в память намертво.

Телефон истерически мигает уведомлениями, и я чувствую, как этот самый «испанский стыд» – не за себя, а за Веронику Игоревну – по кусочку выедает меня изнутри.

Пальцы неуверенно разблокируют экран, находят в контактах «Классрук» и, помедлив, вжимают в дисплей синюю иконку вызова.

Надеюсь, хоть это выведет Веронику Игоревну из ступора.

От учительского стола раздаётся колокольный перезвон, и народ галдит ещё громче – как в анекдоте о чукотском радио.

– Помоги сей заблудшей душе, – шепчет Валентин, когда замечает «Классрука» на экране моего мобильного, и крестит меня. – Голова у неё садовая, но желания праведные.

Наконец мой звонок действует: Вероника Игоревна тяжело вздыхает. Вздрагивает светло-сиреневая юбка, белая рука соскальзывает со стола, спина распрямляется.

Слава богу!

Пока класс затихает и замирает, Вероника Игоревна оглядывается и поднимает руку к лицу. Нездешняя муть плещется в чёрных глазах, пальцы касаются брови, носа и соскальзывают по щеке.

– Вам нехорошо? – спрашивает Олеся. – Вероника Игоревна?

Мама Дианы не обращает на Олесю внимания: роется в красной сумке и достаёт пластинку с таблетками. Фольга металлически трещит, дребезжит, позванивает в бледных руках – от этого звука у меня сводит скулы.

– Позвать медсестру? – спрашивает Олеся.

– Помолчите, – чужим голосом отвечает Вероника Игоревна. Она садится, наконец выдавливает таблетку и без воды кладёт в рот. Мышцы под челюстью ходят вверх-вниз, Вероника Игоревна набирает слюны и стискивает зубы. От гримасы на её лице у меня самого пережимает горло.

Она глотает.

– Вам плохо? – повторяет Олеся.

Весь 10 «В» с насторожённостью изучает Веронику Игоревну. Вот она подносит руку ко рту. Встаёт. Садится. Замирает, будто приступ рвоты подкатил к горлу и нельзя пошевелиться.

– На чём нас… мы остановились?

– Воскрешали… – начинаю я, но меня заглушает Олеся:

– Исцеляли знаменитостей. – Она карандашом показывает на портреты посреди доски.

– Исцеляли… – глухим эхом повторяет Вероника Игоревна. Смотрит на деятелей прошлого, на стол, на мобильный. – Артур Александрович, перестаньте звонить… Бога ради!

Тридцать пар глаз мигом вытаращиваются на меня. Щёки и шея вспыхивают, пот разъедает подмышки. Я соображаю, что церковный перезвон так и гремит над классом, и тычу в отмену вызова. Экран не реагирует, и мои пальцы бессмысленно елозят по стеклу. Заткнись. Ну заткнись же!

Сенсор запоздало срабатывает, и колокола затыкаются.

Божечки, нельзя же так.

– Исцеляли, – тихо говорит Вероника Игоревна и повторяет глуше: – Исцеляли…

Она перебирает распечатки на столе, но четвёрка, как магнитом, притягивает её снова и снова и в итоге побеждает:

– Вы думаете, это смешно? – В голосе Вероники Игоревны клокочет что-то древнее и тёмное. Словно из дикой чащи доносится рык. – Вы испортили окно ради глупой шутки.

В кабинете повисает тишина. Я устало вздыхаю, а Валентин изображает жест дирижёра, который даёт сигнал к началу мелодии.

– Это не наш класс. Ещё до урока было, – робко говорит Олеся. Ей вторят остальные: – Да, это не мы!

– Это «ашки», стопудово!

Вероника Игоревна холодно улыбается.

– Вы ведь даже не понимаете, сколько стоил гимназии этот кабинет, – говорит она. – Глупые, маленькие детишки. Глупые и…

– Вероника Игоревна, это не мы! – обиженно повторяет Олеся.

– Не мы, не мы… – Вероника Игоревна с ненавистью разглядывает четвёрку. – Раз всех так волнуют оценки… Показывайте лекарства.

Шуршит бумага, и класс белеет от страниц. Валентин передёргивает плечами и вздымает вверх наш «кветиапин». Я нервно щёлкаю ручкой.

– Ирина Олеговна, Максим Сергеевич – два. Шуберт умер. За «глюцин», – Вероника Игоревна прижимает ладонь ко рту и закрывает на секунду глаза, – с-спасибо отдельное.

Ряды бурлят от возмущения: звучат вздохи, стоны и «да ну, блин, сколько можно».

– Ольга Леонидовна – два! – повышает голос Вероника Игоревна. – Наталья Станиславовна – два! Гауф мёртв. Наталья Викторовна и Розетта Никифоровна… три – за юмор. Кардиостимулятор, вероятно, помог бы Рафаэлю, но к лекарственным веществам он никак не относится.

– Да неужели? – шепчет Коваль.

– Кирилл Гаврилович – два, – глядя на него, чеканит Вероника Игоревна. – Денис Олегович – два. Вы не вылечили Шуберта, а добили. Артур Александрович и Валентин Николаевич…

Я до боли вжимаю переключатель в корпус ручки и напрягаю слух.

– …пять, несмотря на бесстыдное опоздание и на то, что буква «В» пишется в другую сторону. Печаль Ван Гога не будет длиться вечно.

– Ну конечно! – шёпотом возмущается кто-то.

Я нервно усмехаюсь, бросаю ручку, хватаю наш «кветиапин» и понимаю, что действительно отразил «В» в невидимом зеркале.

Честное слово, это от недосыпа.

Валентин театрально поднимает кулак в мою честь.

– Мужик-опоздун. Вылечит всех, даже если его об этом не просят.

Олеся и ещё тройка девушек поворачиваются в мою сторону. В штанах тут же деревенеет, прыщи на лице чешутся, и тело делается чужим, корявым. Мне и эта пятёрка кажется чужой. Будто не я занимался, не я читал, не я смотрел видеолекции, подкинутые Вероникой Игоревной, – а подействовал ритуал Дианы. Ум понимает, что это невозможно, что магии не существует, но некий червячок сомнений вновь обвивает моё ухо и шепчет тихо-тихо:

– Ты не заслужил. Не заслужил. Не заслужил.

Ещё во втором классе у меня выявили дисграфию. Нарушение письма. Не волнуйтесь, это не детский церебральный паралич и не синдром Дауна. У кучи знаменитых людей дисграфия, и она не мешает, если не нужно много писать. Ох, ну да, если ты не в общеобразовательной гимназии.

При этой болезни люди… м-м-м, часто ошибаются. Кто-то пропускает слоги, кто-то путает закорючки или добавляет лишние. Кто-то, подобно мне, ещё и строчит буквы в зеркальном отражении.

Нет, вы не поняли.

БУКВЫ – не слова.

Я пишу «*N*» вместо «*И*», «*R*» вместо «*Я*» и так далее.

Это выходит само собой, но эффект на окружающих производит шикарный – будто я не урок конспектирую, а вызываю полтергейст.

Первые годы осознанной жизни я думал, что книги печатают исключительно на древнеегипетском, а вместо русского изучаем мы тот же древнеегипетский. Предки угробили тьму времени, денег и сил на борьбу с моей неграмотностью, на походы к логопедам, психологам, неврологам, на проверку рефлексов, сканирования и тесты. Репетиторы отказывались от денег, врачи заявляли, что у меня недоразвита часть мозга (я обычно представляю её в виде аппендикса). Якобы такое нарушение передаётся по наследству от отца к сыну или через поколение. Я понятия не имею, правда ли это. Знаю, что дед до смерти не умел толком ни читать, ни писать, но пережил войну и сорок лет отработал на фабрике. Никто ему и слова не сказал. А мне… мне будто досталось родовое проклятие – учиться с недоразвитыми мозгами в гимназии.

Школа – это ад. Сущий ад. Ты каждый день заявляешься в пыточную камеру и садишься на кол или, не знаю, залезаешь в «железную деву». Встречали эту особу? Полая металлическая фигура, изнанку которой покрывают шипы. Человека закрывают там, и острия вонзаются в кожу. Представили? А теперь представьте, что он каждый день ходит в «железную деву». Встаёт по будильнику, умывается, пьёт кофе. Прокручивает новостную ленту. Одевается, проверяет плиту, закрывает дверь. Снова открывает дверь, снова проверяет плиту. Закрывает дверь. Проверяет дверь. Трясётся с минуту в лифте, трясётся с полчасика на троллейбусе. Минует турникеты на проходной, отключает телефон и закрывается внутри «железной девы». Часов восемь корчится от боли, истекает кровью, а под вечер радостно чешет домой, чтобы в следующий день всё повторилось снова. Бедняге не дают за это зарплату, не благодарят – вообще никак не поощряют – но кошмар продолжается год за годом, ибо какой-то старый пердун сказал, что так, блин, надо.

А-а-а-аргх!

Со временем, конечно, свыклось-стерпелось-срослось, но до сих пор учусь я не ахти. Читаю ме-едленно, пишу с ошибками. Барахтаюсь между двойкой и тройкой по русскому и, что называется, света белого не вижу.

И постоянно опаздываю, да.

Во-первых, Северо-Стрелец запихнули так близко к полярному кругу, что будильник звонит если не в темноте, то в сумерках. Во-вторых, мы живём в типичном российском поста-

покалипсисе: электричества нет каждые четыре месяца, а отопительная система ломается с первыми же заморозками. Вылезать из-под одеяла не хочется вдвойне. Поэтому я на ощупь нахожу сотовый, нажимаю «отложить» и тут же засыпаю, хотя в сотовом будильники у меня идут через пять минут.

7:25
Будильник, каждый…
7:30
Будильник, каждый…
7:35
Будильник, каждый…
7:40
…
8:00
Будильник, каждый…

Если откладываешь один будильник, а потом другой и третий, то они копятся, как снежный вал, и ВЕРЕЩАТ. В критический момент нейрончики догадываются, что проще встать, чем заткнуть этот пиликающий оркестр, и вываливают ноги на пол. Голова не поднимается, глаза не открываются, и пальцы до синяков оббивают углы. Холод собачий. Батареи еле греют, ибо снова прорвало теплотрассу. Зубы ломит от студёной воды, одежда чуть не в инее. В холодильнике мышь повесилась, и тараканы тоже повесились, потому что батя в командировке, а вечером лень обуяла идти в магаз. И вот голодный, сонный, окоченелый ты плетёшься в гимназию.

А я же не ботан и не бегу на учёбу сломя голову. Зимой мне нравится трескать лёд в лужах, весной – давить шишки на набережной (они так кла-ас-сно хрустят), и в любое время года – гладить собак, которые встречаются по пути.

Ну, вы поняли: Артур Александрович – хронический опоздун.

Сегодня объединились три факта: будило не зазвонило, зубная паста не выдавливалась, а мужик у гимназии принёс документы Веронике Игоревне и встретил такое яростное сопротивление охраны, что я вызвался помочь.

К чему я это. Сегодня хотя бы нашёлся весомый повод.

Вероника Игоревна танком идёт по оценкам: налево и направо летят параши, пятёры, трюнделя. Четвёрки отсутствуют, и это настораживает. Не хотелось бы, чтобы у Вероники Игоревны снова начались проблемы. У неё получаются действительно интересные уроки, когда она пребывает в хорошем настроении и не устраивает на занятиях «Донбас».

– Никого не забыла? – с издёвкой говорит Вероника Игоревна. —Два десятка двоек, восемь троек, четыре пятёрки – вот ЭТО реальная оценка ваших знаний. Может, кто-то считает, что заслужил… четвёрку?

Класс угрюмо молчит в ответ. Нет, иногда Вероника Игоревна четвёрки ставит, но так неохотно, что ей об этом напомнили. Впрочем, цифра на окне вряд ли изменит ситуацию к лучшему.

– Вероника Игоревна! – сердито отвечает Олеся. – Да не мы её нари…

Раздаётся звонок. Вероника Игоревна слабо машет рукой, чтобы мы расходились. Скребут о линолеум стулья, множатся голоса, взвизгивают молнии на рюкзаках.

– В столову? – спрашивает Валентин.

Я мотаю головой.

– Попозже догоню. Купите мне две булы с сосисами.

– Сам как була с сосисой.

– Ха-ха. Какая оригинальная шутка.

– Шута, – Валентин лыбится, пока не замечает мой скепсис. – Дела необычайной важности?

– И чрезвычайной секретности. – Я достаю толстый, формата А4, пакет документов. Сверху чернеет адрес Вероники Игоревны, а пониже расположилось название фирмы «Башня» с соответствующим логотипом: средневековой дурындой из необработанных камней. – Какой-то мужик просил передать у гимназии.

– Сын мой, он там с семи утра стоял.

– И чё никто не помог ему? – хмурюсь я.

Валентин театрально задумывается.

– Не хотели, не видели смысла, наши родители учили нас не разговаривать с незнакомцами.

– Твой дедушка – особенно.

Валентин открывает рот, но понимает, что попал впросак. К нам подходят Олеся и Коваль. Олеся пробегает пухлыми пальчиками по руке Валентина и тянет его к выходу. Коваль вставляет наушники.

– Смотри-ка, подловил, – Валентин хмыкает. – Ладно, мне было откровенно влом. И мужичок мерзотный.

Коваль двигает тазом вперёд-назад, будто, кх-м, сношается с Олесей.

– Можно узнать, чем ты занимаешься? – со вздохом спрашивает она.

Коваль невозмутимо отвечает: «Трахаюс-с» – и продолжает двигать тазом.

– Давай ты найдёшь для этого собственную девушку, – предлагает Валентин и тянет Олесю к себе, подальше от Коваля.

Коваль стонет и с обиженным видом включает громче музыку в ушах.

– Мобыть, и найду.

– В столовой попробуй. Путь к сердцу женщины лежит через кофе.

– Моя твоя не слышать.

Я ещё улыбаюсь шуточной ссоре, но внутри разливается жалость – к невезучему мужику и к Веронике Игоревне, которой никто не передал документы.

– Блин, я не понимаю этого. Ходить в церковь – можем. Петь на старославянском – можем. Носить кресты, вешать иконы, давать милостыню, жертвовать на приюты бездомных, подбирать замёрзших котят – да, можем! Но едва нас просит о помощи человек, мы чешем мимо. Логика, ау!

Олеся зевает. Коваль с непонимающим видом вынимает один наушник.

– Ну, начал архиерействовать, – Валентин тычет меня кулаком в плечо, но чересчур сильно, будто не прощается добродушным жестом, а злится. – Две булы с сосисами. Отправлю посылой.

Три Ко уходят. Я тру место удара, закидываю в рюкзак тетрадку и направляюсь к Веронике Игоревне.

Она оперлась виском на руку и смотрит в окно – на кладбище, засыпанное снегом. Рыжие волосы засалились и неряшливо прядями закрывают глаза. Вся Вероника Игоревна выглядит неряшливо – как и её мятая юбка, как белая рубашка с закатанными рукавами, рубашка с желтизной на воротнике, рубашка, которую давно не стирали и не гладили.

Я ловлю себя на мысли, что с этой соскальзывающей в немолодость красотой, с тенями снов в углах чёрных глаз, с огнём волос мама Дианы кажется продолжением кабинета – как если бы его инопланетное пламя сошло со стен и приняло облик человека.

– Вероника Игоревна?

Молчание в ответ. Чёрные глаза странно подрагивают, будто сознание вышло по делам, но прикрыло дверь не до конца – оставило щёлочку и одним ухом подслушивает реальность.

– Вам просили передать. – Я боязливо протягиваю документы.

– Что? – Вероника Игоревна моргает и оглядывается. – Не поняла?

Я вежливо улыбаюсь и ещё на пару миллиметров приближаю к её лицу бумажный пакет. Да, мне приятно помочь Веронике Игоревне. Всё-таки учиться у неё интересно.

– Вам просил мужчина передать. У гимназии стоял и… ждал вас. Сказал, это очень для вас важно.

Красивые черты Вероники Игоревны искажаются, и у меня в голове будто загорается аварийная лампочка.

– Кто просил?.. – с тихой угрозой спрашивает Вероника Игоревна.

– Ну, мужчина…

– Вы всегда делаете то, что просят мужчины?

Я растерянно опускаю руку с документами. Вероника Игоревна со свистом втягивает носом воздух, вырывает у меня пакет и трясёт им, чтобы листы внутри конверта съехали в сторону прозрачного окошка. Чёрные глаза напрягаются, щурятся, и бумага словно тяжелеет – гранитом ложится на руки Вероники Игоревны.

– Сколько он вам обещал?

– Чё? Нисколько! Вероника Игоревна!..

Мне стыдно и неловко – как за глупую, непоправимую ошибку. Я вытягиваю шею и всматриваюсь в надпись на документе. Увы, под острым углом ничего не видно: пластиковое окошко изогнулось и смазало текст.

– Вам… у вас с Дианой проблемы будут? Из-за этого письма?

Вероника Игоревна молча отворачивается и смотрит в окно.

Снег закончился. Небо не тёмное и не светлое – промежуточное. Розоватое, пастельно-оранжевое, полупрозрачное – будто свод Земли вырубили из халцедона или яшмы. На горизонте мрачной стеной плывут тучи. Фонари светят ярко, но всё освещение – и естественное, и искусственное – образует паранормальное… розовато-пастельно-оранжевое сочетание.

– Почему бы вам не спросить об этом у Дианы?

Хлёстко, как удар веткой по лицу.

Я сглатываю.

– Нечего сказать? – зло спрашивает Вероника Игоревна.

Она резко встаёт, хватает что-то с химического стола, подходит к раковине и поднимает бумажный пакет. К его углу Вероника Игоревна приближает… зажигалку?

– Вот вам бесплатный урок, Артур Александрович. Если встречаете проблемы – испепеляйте их.

Вероника Игоревна щёлкает кнопкой – вырывается рыжий фейерверк и гаснет. Пламя не появляется. Она хмурится и пробует снова – и снова шипят бессмысленные искры. Мама Дианы повторяет этот странный фокус в третий, четвёртый раз, затем бессильно опускает руки. Закрывает глаза.

– С-сорян. Это не моё дело, только… Сорян. Только помочь думал.

Ха-ха. Вы наверняка заметили, что мне следовало думать лучше.

– Как она? – спрашиваю я.

Вероника Игоревна так и стоит у раковины – глаза закрыты, плечи поникли, – будто снова зависла, как на уроке.

– Всё ещё обет молчания? – шучу я неловко и тут же смущаюсь от собственной неуклюжести.

– А как твой отец? Все еще предлагает всем своим женщинам массаж ног?

Моё лицо будто обдаёт невидимым пламенем.

Вероника Игоревна открывает глаза и возвращается к столу.

– Родительский комитет опять говорит об исключении.

С тех пор как Диана замолчала, все говорят об её исключении. Не удивлюсь, если и морская свинка пишет об этом в своём дневничке.

– Вам нужно с кем-то профессиональным посоветоваться, наверное. Хотя бы насчёт блужданий… ну, во сне.

– Не поняла? – Вероника Игоревна резко вскидывает подбородок. Глаза остекленели, губы кривит усмешка – будто мысли умчались дальше, за поворот, но эхо прошлой фразы ещё скользит по лицу.

– Ну вот… подкаст на «Усатом». У них отдельно про киношки, и про машины, болячки…

Голос мой звучит всё тише и неувереннее, потому что Вероника Игоревна смахивает вещи в красную сумку: ключи, ноутбук, шприц-ручку с инсулином, тетради. От каждого движения по юбке разбегается сиреневая рябь. Последним ныряет бумажный пакет – белой водородной бомбой формата А4.

– А нельзя… – выпаливаю я. – Нельзя остаться с вами на четвёртом уроке?

– Артур Александрович, – Вероника Игоревна проверяет мобильный и прижимает тыльную сторону ладони ко лбу, – вы за мной следить собрались?

– Да с чего вы?!.. Нет! Нет, мне тупо понравилось сегодня. Ну, с Ван Гогом и прочее. Из-за кевлара вашего вообще не спал…

Я улыбаюсь заискивающе, но Вероника Игоревна даже не смотрит в мою сторону. Как странно она напоминает Диану из прошлого – ту Диану, которая наблюдала за Северным сиянием. Будто мать и дочь совпали, зазвучали в унисон – если не мыслями, не голосом и поступками, то хотя бы взглядами на недостижимую в пространстве и времени точку.

– Вот и идите спать на литературу.

– А нельзя… нельзя всё-таки у вас остаться? У вас же одиннадцатый «Б»? Неорганические кислоты?

Я поднимаю руку в жесте вопроса, но Вероника Игоревна по-прежнему не слушает.

Последнее время заметно, насколько ей скучно в гимназии. Заметно, что мы раздражаем или не понимаем Веронику Игоревну. Или безразличны. Как бы… слишком мелкие, глупые. Ещё год назад она водила экскурсии, вела электив, где выставляла на лабораторный стол шеренгу реактивов, раздавала стаканы и позволяла мешать вещества в любом порядке. А теперь…

Не знаю, мне нравилось. Когда неправильного ответа не существовало – поливай себе золотистое красненьким и объясни, что получил.

– Артур Александрович… – Вероника Игоревна поднимает раздражённый взгляд, но улыбается, когда замечает выражение моего лица. Черты её смягчаются, хорошеют, и она отвечает явно не так, как хотела: – Бог с вами, оставайтесь. Но очень прошу…

– Не спать? На кислотах?! – Я развожу руками. – Да ни в жизнь!

Вероника Игоревна качает головой, и улыбка на красивых губах бледнеет.

– Убедите мою дочь заговорить.

Сон третий. Музыка остаётся, голоса исчезают

– …«Западная вахта», – раздаётся над головой женский голос. – Следующая остановка – «Храм жён-Мироносиц».

Троллейбус останавливается и с шипением сворачивает гармошки дверей.

Две ступеньки. Асфальт. Гололедица.

Я засыпаю в рот остатки сухариков, вытираю пальцы об упаковку и скармливаю её ржаво-зелёной мусорке. Кушай, монстрик. Ням-ням.

Безликие высотки нависают бело-синими стенами и словно подминают под себя. Во рту хрустят крошки с привкусом химического холодца.

Седьмой подъезд.

Шестой.

Пятый.

Приближаются серо-синие двери, посреди которых алеет граффити-сердечко. Рядом барахтается на ветру объявление о плановом отключении воды (неужели такие бывают?) и чернеет отметка: «Уровень воды 5 октября 2014».

Какая ирония.

Я повожу плечами и включаю режим камеры в телефоне. Не проходит и секунды, как пятый подъезд со всеми его сердечками, объявлениями и отметками появляется на моей странице в «Почтампе». Не проходит и двух, как Валентин ставит лайк и присылает какое-то видео с названием «Крипота».

Сколько бы ушло на подобное в девятнадцатом веке?

Раздаётся писк, и металлическая дверь грузно открывается мне навстречу.

Я пропускаю семейную пару, внутренне готовлюсь и захожу в холодистый полумрак подъезда, в зассанный лифт.

Двери закрываются, я запускаю «Крипоту» Валентина. На экранчике мобильного возникают 192 лайка, куча сообщений в духе "ну и жуть" и забитый класс общаги в нашей гимназии.

Изображение тусклое: царят чёрный, серый, бордовый. Из окон льётся бледное сияние и очерчивает сгорбленную тень, которая тяжело дышит. Видео никак не фокусируется, и я не понимаю, мужчина это или женщина.

Шорох.

Стон.

Человек выгибается как на дыбе, и по моей спине стекает ледяной ручеёк пота.

Диана.

Она открывает рот, будто плачет, но на записи не слышно ни звука. Взгляд Дианы пуст, неподвижен, рот открывается и открывается – в диком оскале, как если бы челюсти рвались на части. Тень Дианы содрогается от сухих рыданий. Мои уши закладывает, кровь приливает к голове, и я напоминаю себе, что смотрю любительскую запись, снятую на телефоне.

Это на видео мне явилась Диана.

Это на видео она беззвучно, исступлённо плачет в приступе лунатизма.

Бр-р-р.

Лифт с грохотом выпускает меня на лестничную площадку. Горько пахнет сигаретами, постукивает открытая форточка. В жёлтом свете «сороковатки» я минуты три громыхаю ключами, пока дверь не поддаётся.

– Спасибо, что не поменял замки!

Тишина в ответ.

Прохлада.

Из моей комнаты янтарным потоком течёт солнечный ручей: зажигает искрами пыльный воздух, очерчивает дрожащие тени на полу. Я с удовольствием прыгаю кроссовками по тряпке, закрываю дверь и кидаю ключи на тумбочку.

– И особенное спасибо за то, что не появляешься дома!

Рюкзак получает под зад и улетает к софе. На вешалку баскетбольными трёхочковыми летят шапка, перчатки и шарф.

Оп-ля.

Мой взгляд упирается в розовую записку на зеркале – короткое и ёмкое «Извинись». Ниже прилепилась зелёная бумажка, в центре которой нарисовали весёлую лягуху. Лягуха говорит: «Ква-а, какие грязные ботинки». Бумажка ничего не говорит. Она давно побледнела и свернулась по бокам, но у меня не поднялись руки её содрать. Да, когда-то Диана рисовала такие записочки, когда-то давным-давно, в позапрошлой жизни.

Я без удовольствия вспоминаю о просьбе Вероники Игоревны. С шумом втягиваю носом воздух и снимаю кроссовки. Топаю на кухню.

Просьба идёт следом.

Всхрапывает светло-бежевый холодильник, и металлическая дрожь проходит по его корпусу. За девственно чистыми окнами вспархивает на бельевой верёвке батина рубашка. Солнце просвечивает сквозь белую ткань масляным шаром и согревает моё лицо.

Я дёргаю створку и впускаю в форточку колокольный звон к вечерней службе. Следом проникает вкусная свежесть: соскальзывает на пол, покусывает щиколотки.

Весна.

Мои пальцы задевают берестяной магнит «Мурманск» на холодильнике и стискивают ручку. Резиновый уплотнитель на дверце чавкает, лицо обдаёт инеем. На стол, словно киты на берег, выбрасываются пакет майонеза, буханка чёрного и шмат конской колбасы. Я щёлкаю кнопкой чайника и носом, как дельфин, тычу в телефон – снимаю блокировку.

Нет новых лайков? М-м… нет. Смиритесь, Артур Александрович, по числу отметок «Лѣпота» вам никогда не победить ни снохождение Дианы, ни голую жопу Симоновой.

Я обрезаю корочку с куска бородинского и одновременно прокручиваю новости в ленте. Мелькают чёрно-белые фото пирамид, выпуск «6 кадров» в постах Коваля. Сообщение о первом туркменском спутнике.

Вы никогда не задумывались, что в эпоху интернета самое страшное – не знать, какую новость выбрать? Вот ты крутишь и крутишь эту рулетку, пока не находишь любопытственный пост, а потом ловишь себя на предчувствии, что найдёшь лучше. И палец снова елозит по тачскрину – как загипнотизированный, как если бы физически не мог остановиться.

Мем о «Кровавой свадьбе», кодекс чести русского офицера. Новый выпуск подкаста Валентина. Лавандовые поля Франции.

Я резко прокручиваю назад. К центру экрана спускается фигура отца Николая: усталая, сутулая – будто её тянет к земле грузный серебряный крест. Мой палец повисает над стрелочкой воспроизведения, качается в задумчивости влево-вправо и давит в экран.

Пиктограмма загрузки крутится раза три, будто балерина (вид сверху), и дед Валентина безмолвно открывает-закрывает рот. Я соображаю, что не включил звук, и втапливаю кнопку громкости в бочину мобильного.

– …года наша община выпускает ежемесячную газету «Доброе слово» тиражом в тысячу экземпляров, – зычным, басовитым голосом рассказывает отец Николай. Камера укрупняет его бороду, перевитую нитями седины, и у меня само собой возникает в голове слово благостность. – С две тысячи четвёртого года на частоте девяносто девять и два мегагерца работает наше круглосуточное православное радио «Глас светлый». Тридцать два ребёнка из Детского дома номер шестнадцать участвуют в нашем образовательном эксперименте по снижению преступности среди воспитанников детдомов.

– Бывают ссоры с детдомовцами? – Камера показывает неестественно прямую Олесю. Ярко-зелёный свитер приятно обтягивает девичьи формы и словно бы очерчивает их, отделяя от фона: бледной иконы в серебряном окладе и книжных шкафов.

Запах майонеза напоминает мне о бутерброде, и, доводя пищевую конструкцию до ума, я в который раз удивляюсь магическому обаянию отца Николая: он будто… обволакивает?

Или дело в свитере Олеси?

– Не без этого, – с улыбкой отвечает отец Николай и мизинцем поправляет чёрные роговые очки. – Кто-то весьма настороженно относится к православным ценностям, кто-то, бывает, вовсе придерживается иной религии.

Я наконец кусаю бутер, и жирноватый, с уксусом аромат майонеза растекается по языку. А вместе с ним – дегтярный привкус махана.

Долбаная конина. Батя жрёт её как чипсы, а мне всякий раз представляется, будто я человечину ем.

– Как вы решаете эти ссоры? Всегда ли сохраняете, ну, спокойствие?

Отец Николай складывает руки на внушительном животе.

– Нет, Олеся. К сожалению… нет. Хотя я и прикладываю все усилия, чтобы одержать победу над сиюминутными эмоциями, мне есть, за что себя винить.

– Но вы ещё, как бы, думаете про воскресную школу?

– Олеся, думаем, конечно, – отвечает отец Николай, и в верхнюю часть кадра влезает меховая ветрозащита.

О господи!

Коваль!

Тебе только и нужно, что ровно держать микрофон.

– Мы уже посещаем уроки в гимназии имени Усиевича, – продолжает отец Николай, не замечая мохнатого зверя над собой, – и кадетском училище номер пять. Читаем бесплатные

лекции, проводим обсуждения. Приглашаются все желающие, в том числе взрослые. Я очень, надеюсь, что мы завершим строительство собственного учебного заведения для детей с ограниченными возможностями… к сожалению, пока мы лишились должной поддержки.

Меховое пугало наконец исчезает за верхним краем кадра.

Олеся кивает и сверяется с записочками. Пальцы её дрожат. От волнения? Словно это «Вечерний Ургант», а не выпуск доморощенного подкаста.

И всё же Три Ко сняли интервью. Без меня. Да, я никогда не выказывал интереса к их «каналу», скорее, пренебрежение или лёгкое презрение – как взрослый смотрит на рисунки первоклашек, – но отлично бы чувствовал себя там, в кадре. Задавал бы вопросы на месте Олеси, вертел бы камерой «яблофона» не хуже Валентина или хотя бы держал чёртов микрофон так, чтобы он не влезал в кадр.

Кислая смесь зависти и разочарования плавит мне желудок, и я бросаю ей на съедение ещё один ломоть конской колбасы.

Жри!

– И всё это… – Олеся наконец выуживает нужный вопрос, – вы делаете на свечки и пожертвования?

– Да, свечи, записки, молитвы, панихиды… Последнее время, стали приносить доход книги, видимо, в связи с популярностью нашей страницы в социальной сети. Кстати, хочу отметить, что данная страница – целиком инициатива моего внука. – Отец Николай чуть улыбается. – Духовенство, с нашей стороны, нисколько не цензурирует её содержание.

– Между прочим, очень интересная страница, много познавательного. – Олеся бросает лукавый взгляд за камеру и опять сверяется с записями. – Вот в Свято-Алексиевской пустыни, сколько на данный момент проживает здесь, м-м, постоянно?

Отец Николай поправляет мизинцем чёрные роговые очки и беззвучно шевелит губами.

– Предполагаю, пятьдесят два человека.

– Так мало? – Олеся наклоняется вперёд. – Кажется, что попадаешь в отдельный город… посёлок.

– Всё относительно, Олеся. Я помню, когда в девяностом году был принят закон о свободе вероисповедания, я самолично крестил несколько сотен. Никто из них больше не посетил церковь. Так что эти пятьдесят два человека куда больше значат для меня, чем те сотни.

– Эти пятьдесят два человека – одиночки или семейные люди? Духовенство? Мирские?..

– Олеся, по-разному. – Отец Николай оправляет длинную бороду. – Кто-то находит у нас необходимое уединение, кто-то – семью. Кто-то приезжает с семьёй. Наши двери для всех открыты.

– Скажите, а… ну, а много ли тех, кто однажды поселился среди вас и потом уезжает?

Отец Николай отпивает воды из бутылочки. Его светло-карие глаза затуманиваются, и ответ звучит далёким, суховатым эхом:

– На моей памяти был один такой человек.

– Как интересненько, – Олеся кивает и перебирает записки, но вскоре останавливается. Секунду она медлит, затем всё же спрашивает: – А какая причина?

– Я бы не хотел об этом говорить, Вероника.

Камера слегка дёргается.

– О… Олеся.

Дед Валентина замирает и секунд десять вовсе не дышит.

– Прости меня… – выдыхает он. – Конечно, Олеся. Олеся. Прости.

Изображение моргает от резкой монтажной склейки – словно Валентин выдрал с корнями длинную неловкую паузу.

– Если коротко… – спрашивает Олеся, – причина была в каких-то особенностях жизни в пустыни? Или…

– Нет. – Отец Николай снова отпивает воды и горбится ещё сильнее, будто крест с каждой секундой тяжелеет и прижимает его к земле. – Она… этот человек имел свои причины. Ребёнка, о котором следовало позаботиться. Дела, которые следовало завершить.

– А нельзя это было сделать, уже живя здесь, помогая?..

Слово «ребёнок» ещё звучит в моих мыслях и заглушает вопрос Олеси. Неужели отец Николай говорит о Диане и её матери? Именно Вероника Игоревна уходила жить в Свято-Алексиевскую пустынь и потом вернулась. Больше некому.

Я машинально отрезаю кусок махана и кладу с ножа в рот.

С чего же тогда всё началось?

С листовок. С четвёрок? Я помню, что гимназию перевели с двухсотбалльной системы на пятибалльную, и на уроках Вероники Игоревны не стало хорошистов.

С месяц гнойник набухал, разрастался, а затем посыпались жалобы родителей. Начались проверки, воздух классов наполнило скрытое напряжение. Тогда же в нашу гимназию пришёл дед Валентина. От него веяло обаянием светлого, настрадавшегося человека, которое притягивало людей и Веронику Игоревну тоже зацепило, но зацепило неправильно. Не как пример добродушия или открытости, а как ледяной шип Снежной королевы, что попадает человеку в сердце и лишает покоя.

Со стороны всё выглядело невинно: Вероника Игоревна зачастила в церковь, а на подоконниках у нас зацвели глянцевитые листовки. Карандашные голубые ручейки текли на карандашных зелёненьких полях и ругались непонятными словами: ЕВХАРИСТИЧЕСКИЙ! ЛИТУРГИЯ! КАТЕХИЗАЦИЯ! ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ! Через пару месяцев в углах комнат поселились иконы седобородых старцев, а на кухне что ни день выгорали тоненькие свечки.

На Масленицу Вероника Игоревна пропала. Ушла посреди лабораторной, как уходят за туалетной бумагой или шоколадкой к чаю – и дома не появилась, и след простыл.

Диана словно впала в душевный паралич: на уроках отвечала невпопад и каждую большую перемену проверяла, вернулась ли мама. Снова звонила Веронике Игоревне на сотовый, часами слушала протяжные гудки. Заклеила скотчем выключатель в прихожей и запрещала его трогать, как раньше оставляла свет до возврата мамы из гимназии. Диана не училась, не мылась, не ела, и кормил я её чуть не с ложки.

Через две недели Вероника Игоревна вернулась. Так же просто, как и ушла, будто торчала всё это время в длинной очереди.

Понимания она не встретила. Из гимназии её уволили, мой батя устраивал дикие скандалы, и скоро Вероника Игоревна с Дианой съехали от нас.

Через год после этой кутерьмы Аида Садофиевна – нынешний директор – возвратила Веронику Игоревну в гимназию. С грехом пополам появились четвёрки, а следом – новый кабинет, похожий на рождение сверхновой. Вернулись допы и элективы, но…

Вы заметили? Который раз это слово – вернуться. Забавно, что в нём самом заключён временной парадокс. Даже если ты вышел из дома, а потом, блин, вернулся, ибо зонтик забыл, тебя встречает другой дом. В нём уже сместились частицы воздуха и пыли, и фотоны навыбивали электронов. Распался атом в деревянной швабре, Земля провернулась на несколько тысяч метров вокруг своей оси – ЭТО УЖЕ СОВСЕМ ДРУГОЙ ДОМ. Ты в другой дом пришёл! Ты не вернулся!

Так и Вероника Игоревна не вернулась из пустыни. Она изменилась, и Диана изменилась. Сместилось что-то, разошлось по шву и поехало дальше, набирая ход.

Я останавливаю видео майонезными руками.

Отец Николай.

Вероника Игоревна.

Диана…

Как ты разговоришь человека, который молчит месяцами? Молчит тупо, упрямо, зло, потому что уже не верит в слова, в их силу.

Я раздражённо протираю телефон от соуса и захожу на свою страницу в «Почтампе». Палец, будто сам, пересекает экран и вжимается посреди списка друзей в аватарку Дианы. На фото она застыла в жутковатой сепии – на коленях, разведя руки в стороны и выгнувшись назад, будто тело свела судорога. Или будто её распяли?

Диана «Геката» Фролкова
МУЗЫКА остаётся ГОЛОСА исчезают (с)
Была в сети 21 марта в 16:43
День рожденія: 14 января 2001 г.
Городъ: Северо-Стрелецк
Семейный статусъ: чортъ разберётъ
Вебъ-сайтъ: http://wwwDifrol
Образованіе
Гимназія: Гимназия им. Г.А. Усиевича
Северо-Стрелецк, съ 2008
Гимназія: Музыкальная школа №8 '17
Северо-Стрелецк, 2014–2016 (г)
хоровое отделение
Жизненная позиція
Дѣятельность: давно поняла, что спорт – не моё, мало говорю, мало сплю, мало ем, мало трусов и носков, легко могу дать совет по жизни или вбить зубы вам в глотку, но скорее всего ни то ни другое вам не нужно
Любимыя композиціи: Фекальный вопрос, Пепел и ветер, Гражданская оборона
Любимыя ленты: Все умрут, а я останусь, Заводной апельсин, Бойцовский клуб, Груз 200
Любимыя потѣхи: слать лучики гавна
Любимыя высказыванія: Мир настолько испортился, что, когда перед тобой чистый искренний человек, ты ищешь в этом подвох. (Р.Брэдбери)

Банк СеверМорПуть
18 марта 2018 в 20:41
Просьба находиться дома. Запланирован выезд с целью вручения уведомления об уступке прав требования по долгу. Мероприятия будут проводиться по адресу регистрации, работы и иным адресам проживания вашей семьи. Если сумма оплачена, перезвоните во избежание недоразумений.

Диана «Геката» Фролкова
05 марта 2018 в 22:12
Хочу быть морем и топить людей
#сходила на пирс #лучики гавна #буль-буль

Диана «Геката» Фролкова
21 февраля 2018 в 16:47
Оно как дождь. Вставая молчаливо
навстречу ночи с тёмного залива,
оно с земли, глухой и сиротливой,
уходит в небо, свыкшееся с ним.

И, падая, течёт по мостовым.
Льёт в серые часы, когда округа
к рассвету тянет улицу, как руку,
когда тела, не разгадав друг друга,
кончают путь по замкнутому кругу
и люди, ненавистные друг другу,
в одной постели молят о покое, –
тогда к морям течёт оно рекою…
Нет одиночеству предела.
(с) Райнер Мария Рильке
#сука

Диана «Геката» Фролкова
19 февраля 2018 в 18:36
(>) Реальные звуки – Голоса, записанные в 1984…
#настроениеdropd #лучики гавна

Внутри меня всё натягивается, будто на дыбе, – когда сообщение банка стыкуется в мыслях с конвертом Вероники Игоревны.

Сколько же Фролковы задолжали, что их так прессуют?

Я прокручиваю страницу Дианы туда-сюда и, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, кликаю трек восьмидесятых. Крутится значок загрузки.

Раз.

Другой.

Третий. Солнце за окнами скрывают облака, и кухня выцветает в сумрачные, безликие оттенки.

«Убедите мою дочь заговорить».

Да как, блин?!

Я неуверенно открываю окно сообщений, тычу в букву «П», затем «Р». «В».

«И».

«В».

На «Е» я подскакиваю – потому что визжит женщина. Она визжит, как не умеют ни в кино, ни в театре, будто её заживо препарируют. Сердце ухает в груди; наваливается липкий, колючий страх. Я вырубаю громкость телефона и нажимаю на имя аудиозаписи.

(>) ***Реальные звуки*** *– Голоса, записанные в 1984 году серийным убийцей Тэдом Рэнсомом во время резни на ферме Глория*

Ну, я не знаю.

Ну, пипец.

Я без сил опускаюсь обратно на стул и пытаюсь отдышаться, успокоиться.

Нет, Диана не восторгается маньяками, не тупите. Она паучков-то не давит – выпускает в окно и кричит им вслед что-то вроде «Удачной кругосветки!». Но если к Диане кто-то плохо относится, она ведёт себя ещё хуже. Типа, «Да гори оно огнём». Как будто у Дианы сердце болит, ноет от дерьмового к ней отношения, и она эту рану нарочно бередит – чтобы уж совсем всё сгнило, омертвело и не чувствовало.

Нынешний этап холодной войны начался с сентября, когда отец Николай стал вести у нас ОБЖ, а Диана закрыла рот на замок. Согласитесь, если человек не говорит ни слова, но исправно ходит на уроки, ему обеспечено массовое раздражение.

Ну а дальше… Вы же знаете этих быдломамашек? Едва к молчанию добавилось видео, как Диана ходит во сне на русском, одна дурында заявила, мол, Диана устроит стрельбу в нашей гимназии.

«Я всё министерство на уши подниму, если узнаю, что эта психованная ходит в один класс с моим зайчиком!»

Ох, знали бы вы, куда ходят ваши «зайчики» после трёх банок пива.

Так или иначе, остальные дурынды присоединились к массовой истерике. Поднялся дикий вой, Диану вызвали на педсовет – она упрямо молчала. Веронику Игоревну тоже вызвали на педсовет – она не знала, как разговорить дочь, и тоже молчала. Во всяком случае, в таком виде события дошли до меня.

И теперь Диана разместила в «Почтампе» этот жуткий трек.

Нет, Диана не зарежет никого и, тем более, не устроит бойню в гимназии. Никогда. Но убедит, что способна, и убеждение это доведёт до точки.

Какие же мои слова на неё повлияют?

Ну какие?

Да и не хочу я. Ни писать Диане, ни звонить. Не хочу. Если она устроила молчаливую забастовку против отца Николая, это её право.

Ну что вы так смотрите?

Думаете, я сам так не смотрю на себя?

Исподволь приходит осознание потусторонней тишины. Чайник вскипел, и только поскрипывает на сквозняке занавеска, да глухо ворчит желудок – как бы недовольный хозяином.

Я смотрю на бутерброды с кониной и ощущаю тошноту.

Хочется поесть что-то нормальное.

И выспаться.

Медленно движется мой большой палец: закрывает окно сообщений, тянется к кнопке «домой» по-над немецким стихотворением и вдруг на излёте не то мысли, не то решительности ставит под ним лайк. Тут же наваливается стыд – за трусость, за мелочность, за не-мо-го-ту.

Я судорожно закрываю «Почтампъ» и выключаю экран телефона.

Я мог открыть список контактов и позвонить.

Я мог написать, в конце концов.

Но я поставил долбанный «лайк».

Сон четвёртый. Молчание

Вам попадались фотографии зала, где выставлена Джоконда? Заметьте, я не спрашиваю, посещали вы Лувр или нет, – ибо, как говорит батя, за рубеж ездят лишь мошенники, депутаты и дегенераты, а у меня нет желания относить вас ни к одной из этих категорий. Я прошу: представьте туристический час пик. Получилось? Теперь поштучно замените избранников народа гимназистами, а деву эпохи Возрождения – снимками 10 «В».

Бинго! Вы видите ровно то же, что и я.

Снимки появились в классе благодаря Веронике Игоревне. Это она собрала фотографии, это она написала о каждом ученике в стиле «Википедии» и украсила стену. Вообще было приятно: заходишь и смотришь на себя, как на избранного. Со временем выставка, конечно, приелась. Фотографии потускнели, бумага пошла волнами от перепадов температур, достижения устарели. Мы неделями проходили мимо, не замечая себя, и тем удивительнее, что сегодня народ толпится перед нашей галереей, будто евреи у Стены Плача (да простят мне евреи подобное сравнение).

– Чё такое? – спрашиваю я у Симоновой.

Вместо ответа она отходит в сторону, и какая-то смешинка поднимается внутри, потому что на портретах у меня и Трёх Ко обновление: проткнутые глаза. Валентин с досадой пытается содрать фото. Коваль ржёт. Олеся подрисовывает своей ослеплённой копии усы и цилиндр.

Я не сразу понимаю, откуда эта жуть взялась, только растерянно хмыкаю. А потом разум воскрешает минувший день, и делается не до смеха.

Тени оконных рам скользят по хромированным столикам, по высоким стульям. За окном темнеет набережная, блестит ледовый припай, и чайки бродят туда-сюда крикливыми патрулями.

Со мной те же Три Ко. Валентин уплетает бургер, Олеся читает нечто под названием «Горничная Усуи Такуми». Коваль цепляет на пальцы печеньки с узором из маленьких восьмёрок – как средневековый король, который надевает кольца перед приёмом иностранного посольства.

Ох, простите, вы же не в курсе, где мы. В «Повешении, потрошении и четвертовании», что посреди Советской набережной. Да-да, преклоните колени: бургерный апокалипсис захватил планету и добрался до нашего Северо-Сранска. И да, я хочу, чтобы котлета лежала между двумя кусками хлеба, проткнутыми шпажкой, а на стулья приходилось забираться, как на стремянку. По меркам северо-стрелецких рюмочных, где царят одни мухи и алкаши, ППЧ место отличное. Дорогое, конечно, но зато социально – или как там называется? – ориентированное. По первому впечатлению, здесь работают пенсионеры, инвалиды и прочие убогие. Валентин обещал нас угостить здесь чем-то редкостным и оказался прав: бургер улетает с языка прямо в рай.

Теперь извините: я подавлюсь Chicken Tsar (рубленая котлета из куриного филе, маринованные огурчики, хрусткие, как французская булка; карамелизированный бекон, соус горчичный, лук красный), ибо в дальнем углу зала – Диана. Она понуро собирает осколки зелёных стаканов, предсмертный грохот которых и привлёк моё внимание. Не знаю, что больше поражает: Диана или лососёвый оттенок её формы.

– Гы, зырьте! – показывает на Диану Коваль, пока я в приступе кашля долблю себя по груди.

– Что там? – Валентин тоже поворачивается. – Да ладно! Наша шиза тут работает?!

Олеся на секунду поднимает глаза от будней японской горничной, перекладывает жвачку на другую сторону рта и с лёгкой улыбкой замечает:

– Скорее, воюет.

– Зачем обзываешься? – спрашиваю я Валентина, когда наконец отправляю куриное филе в нужное горло.

Он прищуривается.

– Сын мой, лунатизм начинается на ранних стадиях шизофрении.

– Ты психолог?

– Я любознателен.

– Блеск! – Я хлопаю кончиками пальцев и вытираю с подбородка остатки «царского» бургера. – Давайте поаплодируем Валентину и пойдём.

Всё же странно: Диана-официантка в кафе! Неужели у Вероники Игоревны столь тяжко с деньгами?

Да, и как Диана обсуждает заказы, м-м, без слов?

Жестами?

Эсэмэсками?

Азбукой Морзе?

Валентин задумчиво улыбается.

– А не сделать ли нам выпуск?

– Мобыть, я? – радостно предлагает Коваль.

Мне становится неловко за Диану.

– Оба – успокойтесь. Не надо никаких выпусков.

– Лучше делать новости, чем жить без совести. – Валентин включает камеру мобильного и отмахивается от очередного «мобыть, я-я-я?» Коваля: – Слушай, свой телефон купи и снимай, сколько влезет! Чего ж тебя всё к моему тянет? Не к девушке моей, так к телефону… штаны мои тебе не отдать?

Коваль обиженно замолкает, а я снова перевожу взгляд на Диану: она порезалась об осколок и с отчаянием смотрит по сторонам. Мне хочется встать и помочь, но – блин – посетили же не подметают в кафе мусор официантов? Ведь… не подметают?..

Боковым зрением я чувствую пристальный взгляд Валентина и намеренно отворачиваюсь к окну. Там пасмурно, и злой ветер сметает с променада неубранный мусор. Волны выламывают ледовый припай и лупят по далёкому причалу, обдавая брызгами чугунные фонари, скамейки, прохожих. От этого пейзажа кожу мне стягивают цыпки, а по загривку скребут морозные коготки.

– Сегодня наш выпуск… – нарочито, явно в мою сторону говорит Валентин. – Сегодня выпуск будет посвящён одной из наших гимназисток. Назовём его…

– Выключи, прошу тебя.

Когда я поворачиваюсь, Валентин широко улыбается и завершает театральную паузу:

– Молчание…

– Валь, блин!

Перед моим носом возникает фига.

– …поминая известные события в гимназии. В связи с чем под выпуском мы разместим опрос: следует ли исключать таких людей из гимназии для общей безопасности или помогать им обрести душевный покой в соответствии с христианскими принципами? Спросим мнение у восходящей звезды химико-физических наук Артура Арсеньева.

Валентин переключает съёмку с фронтальной камеры на тыловую и поворачивает объектив на меня. Я застываю, будто под дулом пистолета.

– Ваше мнение, Артур Александрович? – повторяет Валентин.

Минутная стрелка настенных часов обрушивается на шесть: половина пятого. Я с шумом выдыхаю носом воздух.

– Моё мнение?

– Мы жаждем его услышать.

– Вот тебе моё мнение.

Пальцами я беру остатки «Цыплячьего царя» и, как обезьяна, запихиваю в рот. Хрустят огурчики, трещит карамелизированный бекон, котлета в панике вываливается обратно – но чёртов Валентин невозмутим.

– У меня полная зарядка.

– И чё? – спрашиваю я с набитым ртом.

– Мы можем весь день снимать, как ты проталкиваешь в себя пищу.

– Мне фиолетово.

Я демонстративно наполняю рот остатками котлеты и делаю голливудскую лыбу.

– Пока ты предаёшься чревоугодию, мы подогреем интерес и напомним зрителям поговорку из пятого класса: «Тили-тили тесто, Артур и Диана – жених и невеста». Как бывший жених прокомментирует… молчание бывшей невесты?

Котлета застревает у меня поперёк горла.

Формально в словах Валентина нет ничего ужасного. Диана не нравится мне… ну, в качестве девушки. Женщины. Например, Симонова нравится. Олеся – почему-то именно с тех пор, как замутила с Валентином. Романенко из «Б» неплохо смотрелась (Коваль это называет «с пивком потянет»), пока не потолстела. Вероника Игоревна… чёрт, да, да! – а как иначе при её внешности??? Диана же, так сказать, огня в моих чреслах никогда не вызывала, несмотря на многочисленные шуточки в младших классах.

– Мнение? Хорошо. – Я прижимаю пластиковую вилку к столу, обламываю ей зубья и с мерзким скрипом обвожу невидимый круг. – Моё мнение… Моё мнение, что, если бы твой дедушка не был бы таким… таким добрым и хорошим человеком, он бы обязательно сказал, что ему стыдно за внука. Потому что к «молчанию» скорее ведут вот такие «выпуски».

Улыбка соскальзывает с лица Валентина. Коваль разевает рот. Олеся недобро прищурилась на вилку и явно мечтает, чтобы я прекратил – как и большая часть посетителей, которые уже оборачиваются на тошнотворный скрип.

– Позови официанта и пойдём. Лады? – Я начинаю ещё один круг по металлу и вздёргиваю брови – как бы спрашиваю Валентина: «Достаточно или нет?». Тот с полуулыбкой смотрит в стол. Олеся нервно трёт висок, затем с усилием возвращается к Усуи Такуми. Коваль не выдерживает и выхватывает у меня вилку.

– Давай без вот китайских пыток?

Валентин вскидывает голову и поднимает руку.

– Девушка! Девушка?!

Лицо его до странного весело, и причину этого веселья я понимаю, когда тень официанта накрывает наш столик и превращается в силуэт Дианы.

Она прячет порезанную руку за спину, но я сижу боком к столу и замечаю рдяные капли крови, что сыплются на кафельный пол с тонких пальцев. Поза Дианы напряжена, губы сжаты, глаза тёмные, мёртвые.

Лицо у меня раскаляется от стыда. Изо рта, как мячик для пинг-понга, выскакивает несуразное привет…

Вместо ответа Диана поднимается на цыпочки, секунду-две высматривает коллег и здоровой рукой, со вздохом, с заметной неохотой достаёт блокнот и ручку. Над грудным карманом её форменной рубашки я замечаю табличку из графитовой бумаги: «Вас обслуживает глухонемой официант».

Э-э-э?..

Зачем Диана обманывает людей насчёт глухоты-немоты?

Из-за долгов?

Ради прикола?

Коваль подловато улыбается, словно в предвкушении шуточки Валентина. Олеся надувает чёрный пузырь жвачки и перелистывает страницу манги.

– Хочет ли гимназистка Фролкова объяснить своё вековое молчание? – предлагает Диане Валентин и наводит на неё объектив. – Без подвоха. Чтобы уже закончить всю эту драму.

– Валь… – тихо начинаю я.

Диана медленно переводит взгляд на айфон. На меня. Левая бровь её ползёт вверх, но тонкие губы не двигаются.

«Хлоп!» – лопается пузырь Олеси. Я вздрагиваю.

– Что ж, говорить про себя всегда тяжело, – продолжает Валентин и снова переводит камеру на себя. – Впрочем, вы и сами понимаете, в каком бедственном положении находится гимназистка Фролкова, раз до окончания гимназии вынуждена работать после уроков и вводить окружающих в заблуждение, что является глухонемой. И мне хочется простить ей это молчание, потому что за неё говорит не она, а среда, которая её воспитала.

У Дианы на лбу прорезается вертикальная морщинка, тонкие губы сжимаются в ниточки. Она вновь оглядывается, поднимает руки, точно сдаётся, и направляется к двери на кухню.

Сделай что-то.

Сделай!

Я встаю и поспешно вытаскиваю кошелёк, а из кошелька – двух тысячерублёвых Ярославов Мудрых (не видать мне до батиной получки чипсов и обеда, но ладно, ладно…).

– Это за всех. – Я протискиваюсь через стулья и протягиваю деньги. – Сдачу ты оставь…

Прощайте сухарики «Три корочки», прощай полторашка спрайта по 106 рублей 99 копеек и сосиски «Папа может» за 275.

– Если это принесёт мир в душу, – раздаётся голос Валентина, – мы и больше пожертвуем.

Я стискиваю челюсти. Мне хочется, чтобы Диана скорее взяла деньги, но она только смотрит. Смотрит задумчиво, тяжело, будто что-то ворочается, поднимается у неё в груди, как в тесной клетке, и не находит выхода. Нарочитое, волчье молчание.

– Ну? Что ты? – раздражённо спрашиваю я.

Диана опускает взгляд, механическим жестом поднимает верхнюю банкноту и закручивает вокруг среднего пальца. Остальные пальцы сжимает, словно… словно показывает неприличный жест?!

У меня вытягивается лицо. Конечно, я не ожидал, что Диана запоёт канарейкой, едва получит лайк, но предпочёл бы приём потеплее. В голове судорожно мелькает: отшутись, улыбнись, красиво уйди, – но затем что-то непоправимо обрывается. Лопнувшей струной я пролетаю через кафе, дёргаю дверь на себя, от себя и, мазнув кровью ручку, ныряю в вечернюю мглу.

Крыльцо.

Снег.

Ветер.

Машинально я ищу рану на руке, и только у церковного киоска мне вползает склизкая, неприятная мысль: пальцы окрасила чужая кровь. Чужая! Из пореза Дианы.

Я ещё могу вернуться, ещё могу изменить день: там, в прошлом. Сказать правильные слова, объяснить, что не участвовал в дурацком «выпуске», собрать осколки, промыть Диане ладонь, сказать…

В настоящем – здесь, сейчас – всё уже случилось. Я разозлился и ушёл домой. От этой необратимости меня разрывает на части, ибо теперь на моём фото чернеют две дырищи вместо глаз.

Я отворачиваюсь от снимка и понимаю, что все смотрят на меня. Доносятся тихие голоса: «Фролкова… Фролкова…». Не зная, куда деться от этих лиц, от этих шепотков, я иду к своему месту.

Грохает открытое кем-то окно, ноги холодит сквозняк. Под потолком взбрякивают портреты древних учёных в прозрачном пластике (Ломоносов, Менделеев, Нобель и… Бор, кажется). Лампы дневного света просеивают инопланетное сияние сквозь кожухи синего и оранжевого оттенка: на учительский стол, где валяются ключи Вероники Игоревны; на целующуюся парочку Симонова-Шупарва, на белые таблички с буквами химических элементов:

Fe

Li

Na

Вероники Игоревны ещё нет. Класс медленно заполняется, и четвёрка на окне висит тревожным напоминанием. Я сажусь и смотрю мимо неё – на полуснег-полудождь, исторгаемый синюшным небом, – пока перед моим носом не возникает мужская рука в росчерках синих чернил.

– Мир? – доносится голос Валентина.

Я поднимаю взгляд.

Валентин смотрит на меня хмуро, виновато. Рубашку он застегнул до последней пуговицы, волосы собрал в хвост. Картину дополняют фиолетово-синие засосы, которые выглядывают из-под воротника, да мятая фотография в левой руке Валентина.

– Знаешь же, – говорит он, – не люблю, когда деда обижают.

Молчанием? Какое страшное оскорбление.

Я молчу и ни вины не чувствую, ни мира. Может, так правильно и нужно, только на кончике языка прыгает известная троица: нет, нет и нет. Потому что… Потому что…

– Бывает, – хрипло говорю я, когда пауза вытягивается до невыносимого предела. Моя рука сжимает потную ладонь Валентина. Вопреки сомнениям, на душе легчает и невидимые пауки отползают от сердца.

– Да вообще! – Валентин расслабляется и машет. – Коваль в шоке, что ты даже не попрощался.

Я хмыкаю.

– Видос я удалил, – добавляет Валентин.

– Это не спасло.

Взглядом я показываю на мятое фото в его руке. Валентин задумывается:

– Твои-то глаза она красивее всего проткнула.

– Ой, иди в пень.

– Да серьёзно. Такое… гордое лицо стало. Демоническое.

Наш разговор прерывает очередь «би-би»: телефоны вокруг гудят и вибрируют от сообщения, которое булыжником рухнуло в общий чат.

– Бананы кончились, классного часа не будет! – с радостью кричит Симонова. – Аида Садофиевна написала, что можно валить.

Под грудиной возникает сосущее чувство. Причину его я не понимаю и только глупо смотрю в телефон.

– Что-то Мадам Кюри больше меня прогуливает, – замечает Валентин.

Тем временем разражается дикий гвалт, и 10 «В» стаей гамадрилов устремляется к двери. На месте остаётся лишь Валентин. Он морщит нос, будто сдерживает чих, и спрашивает:

– На Феникса идём?

– Угу.

Я снова бросаю взгляд на стол Вероники Игоревны, на дверь и наконец осознаю причину тревоги.

– Ты куда? – интересуется Валентин, когда я направляюсь к учительскому столу.

– Один момент.

Я поднимаю связку Вероники Игоревны и взвешиваю в руке. Ключи от учительского туалета, от класса… и, конечно, от дома Фролковых. Есть и новичок: синий, со спиральной резьбой – чёрт знает от какой двери.

Валентин подходит и бросает фото в мусорку. Его взгляд застревает на брелоке из спящих птичек.

– Узнаю это выражение лица, сын мой.

– Тут от их дома. Надо отнести.

Валентин чуть поводит бровями. Мы выходим, и, только когда я закрываю на оба замка кабинет, у него вырывается:

– Не понимаю: почему ты всё время помогаешь этой… этой семейке?

Я неопределённо повожу плечом и оглядываюсь на своё фото: горбатый нос, усмешка в углу губ. Пустые глазницы.

Помогаю? Ха-ха.

Мы не говорили с Дианой с начала года.

Не гуляли и того больше.

По внутренним часам с той ночи на Холме смерти минуло, не знаю, лет сто пятьдесят.

Только в «Знакомцах» «Почтампа» Диана и осталась.

Формально мы не ссорились. Как-то само вышло, что наши пути разошлись – ещё до её «обета молчания». Вины на мне нет, не ищите клейма, но…

Но началось всё будто с Холма смерти. Потому что, сколько бы я ни представлял, как съезжаю по ледовой дорожке, на самом деле этого не было.

Услышьте меня: этого не было.

Ни-ко-гда.

Диана съехала, а я остался с Валентином. Из-за страха ли, или ещё почему, но не двинулся с места.

Да и немало прошло месяцев, прежде чем мы с Дианой охладели друг к другу, так что причина наверняка не в Холме. Но снится он мне постоянно. Я снова и снова лечу вниз и не достигаю конца ледяной тропинки. И просыпаюсь, и вспоминаю, что так и не скатился, не отправился за Дианой. Один и тот же прескверный кошмар. И я, съезжающий и не съехавший, застывший где-то между мирами – в каком-то вечном полусне, в какой-то сумеречной зоне. Как если бы заело плёнку и навязчивый кадр повторялся бы вновь и вновь.

Вы никогда не ловили себя на мысли, что вашу жизнь зажевало в лапках кинопроектора? И не вытащить, и не отмотать назад.

Ни прошлое, ни будущее. Ни начало, ни конец.

Словно тот древний змей, который пожирает себя день за днём и не способен разомкнуться.

Сон пятый. Сквозь приоткрытую дверь

Колечко упирается в жестяную крышку, продавливает её, и мне в нос с шипением ударяет лаймовый фонтан.

Глоток.

Холодный спрайт подмораживает рот, и пузырьки CO2 кисло-сладкой картечью лопаются на онемелом языке.

Я мало-помалу прихожу в себя после двухчасового киносеанса и осматриваюсь.

Представьте сонный березняк на окраине Северо-Стрелецка. Днём прошёл ледяной дождь, и на ветках повисли хрустальные космы. Всё блестит весенним солнцем, похрустывает и позванивает, тут и там промеж стволов мелькают полумёртвые рыбацкие бараки начала XX века. В одном-двух ещё горит свет, но большинство покинуты. Далеко за ними вздымается меловая гряда, которая до макушки заросла хвойной щетиной. В тени этой громады изгибается Кижня: белой пеной исходит на порогах и уносит буруны волн к тёмно-синему стеклу моря.

Мне жарко, тревожно и холодно. Спина потеет из-за слишком тёплой куртки, правую руку морозит банка спрайта.

Берёзы поскрипывают и постукивают обледенелыми ветками-пальцами над моей головой. Их разговор то затихает, то оживает на мартовском ветру.

Я допиваю спрайт и со скрежетом сминаю банку. Триста тридцать миллилитров газировки оставляют на языке сладковатое послевкусие и повисают холодным шаром в животе.

Приближается море. Ближе к нему берёзы редеют и горбятся от постоянного ветра, словно исполняют ведьминский танец. У берега – лицом к прибою – приютилось обледенелое кресло. Я подмигиваю ему. Классе в четвёртом мы с Дианой притащили эту рухлядь со свалки.

Думали, устроим пикник, посмотрим закат, но что-то неизменно мешало: зима, ветер, меланхолия Дианы.

С трудом, будто гирю, я швыряю в кресло пустую банку. Она со стуком отскакивает от спинки и падает в лужицу солнечных бликов.

Ну да. Весна. Не успели прийти заморозки, как начинается оттепель.

Дорога спотыкается о мшистые глыбы, что принёс древний ледник, и ведёт меня дальше – мимо заброшенной пристани к устью Кижни.

Ветер обжигает лицо, уклон растёт. Я чувствую, как кровь приливает к голове, когда примечаю знакомую бежевую изгородь. Она покосилась под весом ледяной коросты и полого спускается в пожухлую траву, словно два мира – человека и природы – медленно поглощают друг друга.

Справа завивается спиралью древний лабиринт из камней. Слева чернеет пустырь с зяблым ручьём, а за пустырём вырастает сизая полоса ельника. Ещё дальше, – я не вижу и не слышу, но знаю, – тянется Приморское шоссе. Шоссе, по которому непрерывно едут грузовики и легковушки, ошалелые, грязные, заледеневшие. Они едут и едут в бесконечном потоке, словно где-то в лесах дорога замыкается в круг или ленту Мёбиуса.

Мыски кроссовок накрывает тень. Я поднимаю взгляд и цепенею от страха и восторга одновременно – будто ничего не случилось, будто не было последних лет. Мучительно-сладостное чувство, когда прошлое и настоящее наслаиваются друг на друга, и на миг ты счастлив от этого чуда, а потом с ужасом и ознобом понимаешь, как они далеки, как различны. Иллюзия единства двух миров, что не способны объединиться.

Иллюзия, в которой живёт Диана.

Слуховое окно разбито, доски стен и крыши гниют в цвет сырой говяжьей печёнки. У двери висит погнутая табличка. Сквозь ржавчину едва проглядывают серп и молот – и надпись:

ЖИТЕЛИ ДОМА БОРЮТСЯ ЗА ЗВАНИЕ
ДОМА ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

Где теперь эти борцы? В какие годы жили?

Я раздвигаю сухие корзинки пижмы, покрытые бесцветной карамелью льда, и с трудом продираюсь к двери.

Ох!

Кто-то засадил в неё топор и повесил на рукоятку погребальный венок. Ниже белеет пугающая надпись:

НЕМЕДЛЕННО ОПЛАТИ ДОЛГ

Я вытираю холодный пот над верхней губой и боязливо стучусь. Под моими ударами дверь со скрипом приоткрывается в тёмную прихожую.

– Вероника Игоревна? – тихо зову я и добавляю громче: – Ве… Вероника Игоревна?

Отвечает лишь ветер – зловещим угрюмым басом. На крючке у двери вздувается малиновый пузырь – куртка Дианы, – рядом вздрагивает и постукивает ловушка снов. Больше в щёлку ничего не видно: слишком темно в прихожей, слишком робею я толкнуть сильнее дверь.

– Вероника Игоревна?

В животе урчит от тревоги или от газировки. Моё внимание привлекает мусор под ногами. Комок с едва различимой надписью: «…Гимна…».

Со смутным беспокойством я поднимаю его и разворачиваю.

Муниципальное автономное образовательное учреждение «Гимназия им. Г.А. Усиевича г. Северо-Стрелецка»

РАСПОРЯЖЕНИЕ

27.03.2018 № 01

В соответствии с Уставом МАОУ «Гимназия им. Г.А. Усиевича г. Северо-Стрелецка», локальными нормативными актами № 07 и 11-ПР, принятыми педагогическим советом гимназии, прошедшими согласование с родительской общественностью, утверждёнными приказом директора от 15.07.2013 № СЭД-059-01.13-162 «Требования к поведению, внешнему виду и одежде обучающихся муниципального автономного образовательного учреждения "Гимназия им. Г.А. Усиевича г. Северо-Стрелецка"», даю следующее распоряжение:

1. Отстранить от аудиторных занятий на 27 марта 2018 года и далее до особого распоряжения Фролкову Диану Игоревну, ученицу 10 «Б» класса гимназии, в связи с порчей фотовыставки 10 «В» класса, а также в связи с нарушением требований к внешнему виду и одежде обучающихся в гимназии: окрашиванием волос, заменой классического костюма набором подходящей по цвету одежды, отсутствием эмблемы гимназии.

2. В целях разъяснения требований к поведению, внешнему виду и одежде обучающихся, установленных в гимназии, а также согласования формы обучения на период отстранения от аудиторных занятий, назначаю встречу с родителями ученицы на 27 марта 2018 года в 18.30 часов.

3. Контроль за исполнением настоящего распоряжения оставляю за собой.

Директор А.С. Гаврилова

Приложение:

1. Копия локального нормативного акта № 07 «Требования к поведению, внешнему виду и одежде обучающихся муниципального автономного образовательного учреждения "Гимназия им. Г.А. Усиевича г. Северо-Стрелецка"».

М-да…

Диане досталось за чёрную прядь? Или она покрасилась в голубой? В розовый? Зелёный?

Я аккуратно кладу бумагу на пол прихожей, затем достаю связку ключей и вглядываюсь в темноту – в поисках места, куда их положить.

Память воскресает рыжую бестию, которая прыгает с ноги на ногу в двух шагах и в четырёх годах позади от меня. Вот ещё одна – образца середины 2010-х: хохочет до онемения, потому что я напеваю мультяшным голосом:

Хорошо живёт на свете Винни-Пух!
У него четыре писи, он лопух.
Если пися оторвётся – не беда!
У него есть запасная! Да-да-да!

– Вероника Игоревна?

Ключи всё сильнее оттягивают руку и возмущённо дребезжат.

Положить их на пол? Бросить в карман малиновой куртки?

Какая-то немыслимо тупая ситуация.

Я нахожу запись «Классрук» в мобильном и жму «вызов».

– Абонент вне зоны доступа, – отвечает бодрый женский голос.

– Кто бы сомневался…

Ладно, попробуем Диану.

Отвечает ли на телефонные звонки человек, который молчит неделями?

Конечно.

Как два пальца об асфальт.

В динамике сотового щёлкает, и я невольно напрягаюсь в ожидании.

– Абонент вне зоны доступа, – повторяет вежливая женщина.

Ни матери, ни дочери. Ну и семейка.

Я подозрительно смотрю на экранчик, затем перехожу на свою страницу в «Почтампе» и прокручиваю список «Знакомцы». Раз, второй, третий. Четвёртый.

Дианы там нет.

Нет?

Я приглядываюсь внимательнее, и лицо заливает жаром.

То есть, Диана удалила меня из друзей?

Даже из таких, фиктивных, соцсетиальных, которые ничего не значат и ни к чему не обязывают?

Диана правда это сделала?

С минуту я ошалело разглядываю список, затем нахожу её страницу через общий поиск. Разворачиваю окно сообщений и строчу: «Кончай испарить! У меня клюшки твоей малы».

Ну, вообще с дисграфией печатать легче, чем писать, но порой и T9 заходит в тупик. Я сосредотачиваюсь и расставляю правильные буквы.

«Кончай истерить! У меня ключи твоей мамы».

Я ещё раз проглядываю два коротких предложения и жму стрелочку (^).

«Вы не можете отправить сообщение этому пользователю, поскольку он ограничивает круг лиц, которые могут присылать ему сообщения».

– ХА-ХА-ХА.

Кажется, что меня ударили под дых. Я втягиваю носом воздух и с удивлением проглядываю текст ещё раз, словно там не автоматический ответ, а эпитафия над могилой.

– Да фиолетово. Фиолетово! Сами разбирайтесь со своими ключами!

Я машу телефоном и широким шагом иду прочь. От залива доносятся тихие гудки барж, и чайки роем срываются с проводов.

У танцующих берёз что-то заставляет меня оглянуться, и сквозь удушливый дым обиды проскальзывает неприятная мысль: дом Дианы состарился.

Будто человек.

Вы скажете, что семнадцать лет – это так, фигня, но за семнадцать я достаточно видел, как дряхлеют люди перед смертью. Мой дед, моя соседка. Моя первая классная руководительница. Они жили десятилетиями, почти не меняясь, словно бы застывая в невидимом янтаре, но потом возраст брал своё. Болезни в пару месяцев разъедали тела, одиночество – души. Слабели голоса, ржавели суставы, лица бледнели и туго обтягивали кости черепа. Всё дольше становились сны, всё реже – проблески сознания. Уходили силы – по песчинке, по капле, по волоску, пока пауза между ударами сердца не устремлялась к бесконечности.

Сейчас я смотрю на дом Дианы и с грустью понимаю, что он в конце этого тёмного пути. Ещё не в бездне, но уже соскользнул. Уже летит вниз.

Сон шестой. Электрический прибой

Ветер поднимает занавески невидимой рукой и взбивает их мягкими рывками. Из приоткрытого окна тянет сигаретами и мокрой жестью. Эти запахи, это неспешное движение полупрозрачной ткани гипнотизируют, и я чувствую, как проваливаюсь из кабинета физики куда-то в себя – в безмыслие и безвременье собственного разума.

Там бродит Диана, ведомая луной.

Там замерла, подобно статуе, Вероника Игоревна.

Вы думаете, за минувшую неделю она появилась в гимназии? Как бы не так, нет Вероники Игоревны.

В итоге её брелок и вся его железная компашка громыхают в моём рюкзаке который день, а физику у нас заменяет Леонидас, классный руководитель «ашек». Конечно, не тот царь Леонид из Спарты и даже не Джерард Батлер из «300 спартанцев», но что-то такое древнегреческое в облике нашего завуча определённо имеется.

Наверное, борода. Эта штука у Леонидаса ухожена так, будто её подравнивает каждый день личный садовник. Честно, я не понимаю мужиков, которые настолько следят за собой. И особенно не понимаю тех, что носят вязаные свитера с северными узорами. О, вы не заметили? Сегодня к нашему вниманию красные снежинки на белом фоне.

Не знаю, что меня больше беспокоит: мерзкие снежинки или чёрный список Дианы.

С ней мы пересеклись, когда позавчера я брёл по мосту Шестьдесят пятой параллели.

Сперва моё внимание привлекли две тонкие тени, которые скользили поперёк дороги – мокрой, в бронзовых искрах заката – и приятно напоминали девушку с велосипедом. Ими они и оказались. Диана устало катила алый ляс на фоне чёрно-сизых, с золотистым оперением облаков, и лужица солнца мелькала то за её шапкой-носком, то под мышкой, где трепыхалась

паченция листов. Для ранней весны она оделась чересчур легко: серое худи, серые спортивные штанцы, тапочки.

Тапочки, да.

В голове шевельнулась мысль позвать Диану и отдать ключи, но я так обижался за чёрный список, что ощутил внутри почти физическое сопротивление.

Тем временем она дошла до перекрёстка, где тротуар обрывался бледной зеброй, и, не глядя на светофор, не замечая несущихся машин, попёрла через дорогу.

Я вскинул руку. «Эй! Осторожнее!» – само, без разрешения запрыгало на языке, и худая фигурка резко замерла, будто услышала меня. Перед ней с визгом клаксона затормозил синий «ниссан». Ветер рванул бумаги из пачки Дианы, подбросил вверх, и они засветились жёлтым в лучах солнца.

– Девушка!!! – закричал водитель и наполовину высунулся из машины. – Вы дальтоник? Красный свет!

Диана даже не посмотрела на него. Её тело слегка покачивалось вперёд-назад, и белые листы разлетались сияющим вихрем.

Она спала.

Едва я осознал это, мои ноги шагнули в сторону Дианы, а она, подобно странной марионетке, повторила движение.

– Диана!

Водитель «ниссана» раздражённо смахнул бумаги с лобового стекла и окончательно вылез из машины. Сомнамбула не отреагировала ни на него, ни на меня: молча направилась вперёд и в пару секунд добралась до остановки.

Там уже собирал урожай зелёный автобус на Поморку. Он быстренько втянул в себя Диану, лязгнул дверьми и покатил за поворот, в заходящее солнце. Воцарилась странная тишина. Только белые листы с шелестом скользили по асфальту и радостно сигали под опоры моста.

С той встречи минуло два дня.

Небо за окнами давит ледяным свинцом на кладбищенский холм. Иногда округа загорается мертвенно-белым, и над головой, оглушая и прибивая к полу, прокатывается гром – словно крик инопланетной твари бьётся в стёкла.

Апрель.

Гроза. Такие ещё зовут «зимними», хотя они и случаются весной.

На экранчике моего телефона Вероника Игоревна разбирает конденсатор, похожий на рогатый бочонок. Точно судмедэксперт, она залезает пальцами в его блестящие внутренности и вытаскивает рулончики фольги, длинные, как дождик для новогодней ёлки. Тут верхнюю часть кадра перекрывает оповещение:

ПОЧТАМПЪ сейчас
Мухонос
О_о
[фото]

Этот дебил постоянно шлёт всякую пургу в чат класса, и я, не читая, смахиваю «наклейку» прочь.

Изыди.

Видео на секунду подвисает, затем Вероника Игоревна показывает целый, здоровенький конденсатор и крепит к нему крокодильчиками два проводка от вилки. Прикладывает палец к губам и, разматывая провод, отходит вместе с нами в дальний угол кабинета – того, старого, сгоревшего. С трудом запихивает вилку в древнюю розетку.

– Бам, – шепчу я.

Мигают плафоны. Конденсатор лопается со вспышкой, будто перезрелый плод; разлетаются серпантины фольги. Один прилипает к доске, другой к потолку. В кадре появляются члены химического электива: ошалелые, с диковатыми улыбками. Среди них я с оторопью вижу и себя – вижу и не узнаю. Ни причёску-горшок, ни синюю рубашку, ни покатые плечи. Какой же вы нескладный, Артур Александрович.

Вероника Игоревна снова прикладывает палец к губам, и видео замирает.

Я ловлю себя на том, что радуюсь какому-то неуловимому, ускользающему чувству внутри – словно бы движению воздушных потоков памяти, и блокирую экран.

Не знаю, кто рассказал тогда родителям о конденсаторной бомбочке. Может, речь шла и не об этом случае, а об истории, когда Олеся облилась щёлочью, но электив закрыли, а кабинет сгорел.

Жалко.

Определённо те занятия с Вероникой Игоревной проходили куда интереснее, чем замены Леонидаса. И класс её лучше этого убожества, где каждый гвоздь пропитался нафталиновым духом прошлого. Типичные старые парты, типичная убитая доска. Типичный Ньютон на стене – между типичными Путиным и Медведевым.

Пока я так размышляю, до меня доходит экскурсионный список. Он пахнет чипсами, он подкараулил солнечный зайчик в левом верхнем углу и собрал, кажется, ВСЕ оттенки синих ручек.

Каждый год нам предлагают поездку на северо-стрелецкие скиты, и каждый год мы табуном туда чешем. Не потому, что это бог весть как прикольно, а потому что находится лишний повод прогулять гимназию. Трум-пум-пум – денёк свободы от нудятины. Я с радостью щёлкаю ручкой, вписываю себя и передаю листок дальше. Только в этот момент, запоздало, что-то царапает моё внимание.

Наш 10 «В» повезёт не Вероника Игоревна – Леонидас.

– …где делегация Северо-Стрелецка приняла участие в областной конференции «Север – страна без границ», – проникает мне в уши его голос. Низкий и сочный. Девчонки от него тают, а мужиков подташнивает. – Как некоторые знают, нашу гимназию представляла ваша одноклассница… Олеся встань, пожалуйста… с работой о нашем писателе-земляке Н.О. Булдакове. За что нашей гимназии была вручена грамота. Не слышу поздравлений!..

Олеся с наигранным смущением встаёт и принимает вялые аплодисменты. Она, как обычно, в белой сорочке и юбке оттенка лоснящегося воронова крыла. Сколько я помню, Олеся всегда ходит в одной и той же одежде одних и тех же монохромных оттенков – словно родилась от шахматной интрижки чёрного офицера и белой королевы.

– Спасибо, Олеся. Так, об экскурсии сказал, о конференции сказал. На чём мы остановились?.. – Леонидас одной рукой трёт висок, другой сжимает пастельно-жёлтый мел, тень которого по диагонали пересекает бородатое лицо. – А, ругали наших модников и модниц. Не вижу причин, почему бы не продолжить. Кто у нас следующая жертва? – Леонидас театрально прищуривается и осматривает класс.

Касательно первой жертвы: в углу вы наверняка заметили Симонову – благо наша конфетка уже минут двадцать топчется лицом к стене, как напакостивший малыш. Сегодня Аня щеголяет в клетчатой мини-юбке. Квадраты чёрные, квадраты красные, округлости попы – красо-та. Не знаю, чего добивался Леонидас, но в итоге всё мужское население 10 «В» выкручивают шеи, любуясь на Анины булочки. И да, они в самом деле притягивают.

– Артур, с добрым утром! – раздаётся голос Леонидаса, и я резко отворачиваюсь от прелестей Симоновой. – Прекращай щёлкать ручкой, милый друг, и поднимайся.

– Проснись и пой, зуо-омби, – напевает Коваль и раздражающе цокает.

Судя по «наклейке», которая мигает на экране моего телефона, Шупарская отвечает «да ладно» на сообщение Мухоноса. Прочитать больше я не успеваю: кладу на парту ручку, сотовый и неохотно встаю. Пальцы упираются в канавки надписи «НЕНАВИЖУ МЕСЯЧНЫЕ» на поверхности парты, лицо обдаёт мокрым воздухом из окна.

– Милый друг? – Леонидас фотографирует меня для стены позора и вопросительно поднимает бровь.

– Ну чё не так с моей одеждой?

– Ещё раз, для всех: пижамы, свитшоты, худи, толстовки, майки-алкоголички и мини-юбки – под запретом. Персонально для Артура: стрижка офицера СС, короткие штанишки и голые лодыжки – найн.

– Эта стрижка, Евгений Леонидович, – современная.

– Милый друг, лично я придерживаюсь либеральных взглядов. Я обеими руками и ногами за всё новое и современное. И на мои уроки я разрешаю ходить как угодно, но на остальных – надевай парик.

– Эта стрижка – современная, – с вызовом повторяю я.

А-а-а-а, убейте меня. Чем мне нравится Вероника Игоревна, так тем, как ловко избегает подобные темы. Она бы скорее поинтересовалась, что общего у грозового облака и батарейки, и ещё повела бы нас ловить молнии в банку из-под огурцов.

И мы бы точно не обсуждали всем классом мой причесон.

– Артур, ты знаешь, что отличает человека от других существ?

Я открываю рот, но Леонидас не дожидается ответа:

– Умение адаптироваться к социальным нормам. Например, у учеников гимназии должна быть аккуратная стрижка, а не стрижка гитлерюгенд.

Раздаются смешки.

– Строго говоря, – я тоже улыбаюсь, – в каждом из нас живёт по килограмму бактерий, а клеток этих бактерий раз в десять больше, чем наших клеток, так что мы скорее не люди, а кишечные палочки в скафандре.

Кто-то фыркает от смеха, у Леонидаса дёргается бровь.

– Умничаем?

– Мы не на «Модном приговоре», Евгений Леонидович. В гимназии надо оценивать выученные уроки.

– Вау, – доносится слева. Сзади восторженно присвистывают.

Леонидас насупливается на секунду, затем усмехается.

– Да не вопрос. Прошу к доске. Напиши мне формулу ёмкости.

Я наклоняю голову, подобно упрямому быку.

– Как бы… Вероника Игоревна меня обычно не вызывает.

Брови Леонидаса ползут вверх.

– Это ещё почему?

– У меня, типа, кое-какая фигня с написанием.

На самом деле к 10 классу Артура Александровича научили писать более-менее без ошибок. Ну, или он лепит их не чаще среднестатистического гимназиста.

– Для детей с ограничениями существуют специальные классы.

По кабинету разбегаются голоса.

– Я не ребёнок, Евгений Леонидович.

– Для подростков, извини. – Леонидас примирительно поднимает руки. – Неправильная формулировка. Я верно понимаю, что к подросткам с ОВЗ ты отношения не имеешь?

– Ну, не так серьёзно.

– Тогда тебе ничего не стоит порыться в чертогах своего разума и нарисовать формулу-другую.

Видно, в лице у меня отражается такая ослиная упёртость, что Леонидас вздыхает и устало трёт висок.

– Ладно. Не хочешь писать, милый друг, так СКАЖИ НАМ: что у нас такое… хм-м, Лейденская банка?

У Олеси поднимается рука и слегка покачивается, будто флаг над полем битвы.

– Мы ещё не дошли до неё, – отвечаю я Леонидасу.

На самом деле Вероника Игоревна рассказывала об этом на элективе, но Леонидас меня раздражает.

– Ничего не знаю. По программе у вас триста лет как должны быть конденсаторы, и я хочу услышать, зачем, чёрт возьми, придумали Лейденскую банку.

Он издевается?

– Банка такая. Для накопления и раздачи заряда, – неохотно отвечаю я, кося взглядом на Олесю. – Из восемнадцатого века.

Всё?

От меня отстали?

– Милый друг! – Усталое лицо Леонидаса накрывает тень. – Мы не на допросе. Сделай вид, что тебе интересно.

Вытянутая рука Олеси напрягается до предела. Да и сама она вот-вот вылетит из стула, как пробка из шампанского.

– Банка… у неё есть проводники: гвоздь, воткнутый в крышку, и фольга, в которую завёрнута банка. Есть э-э-э… – я роюсь в памяти, но не обнаруживаю там нужного термина, – стекло. Непроводник.

Кто-то ржёт над моей косноязычностью.

– Милый друг, если ты также отвечаешь Веронике Игоревне, – Леонидас поднимает ледяной, осуждающий взгляд, достойный спартанского царя, и мои брови сами собой ползут вверх, – то я не понимаю, откуда у тебя «отлично».

Ар-р-р-р! Ответ таков, каков вопрос.

– Если вокруг банки возьмутся за руки сто восемьдесят десантников, первый из которых коснётся гвоздя, а последний – фольги, то мы узнаем много новых ругательств.

Класс взрывается смехом, и я улыбаюсь, довольный эффектом.

– От чего зависит ёмкость Лейденской банки?

– От химического состава эм-м… стекла. Непроводника.

– Диэлектрика! – яростно шепчет Олеся.

– Не-про-вод-ни-ка, – упрямо повторяю я. – На секундочку: бывает его пробой.

Сотовый тихо мигает и отображает сообщение:

ПОЧТАМПЪ сейчас

Агент

Семья вашего друга денег должна. Не решат вопрос до конца недели – начнём применять все виды проверенных временем негативных воздействий.

[фото]

Я машинально снимаю блокировку и с неприятным удивлением понимаю, что на фото «друга» застыла Диана. Она нарядилась в бесформенную малиновую куртку, из-под которой выглядывает белая футболка с неоновой надписью «Спаси дерево – сожри бобра». На подбородке Дианы темнеют ссадины, в волосах застряла трава. Лицо испятнали солнечные зайчики. Диана тащит за одну лямку рюкзак, который едва не подметает тропинку в соснах, а другой рукой отводит прядь со лба.

И только джинсов нет – на их месте женские ноги с обнажёнными гениталиями. Торчат они криво и несуразно, будто тот, кто лепил картинку в «Фотошопе», не до конца освоил законы перспективы.

В горле у меня наливается тяжесть.

Снимку – тому, на почве которого взрастили это порночудовище – пять лет. На правой половине оригинала вы бы увидели Артура Александровича.

– Бывает… пробой, – повторяю я с трудом, больше по инерции, и прочищаю горло. – Бывает… Можно встречный вопрос?

Леонидас поворачивает в мою сторону ухо.

– Д-да. Ну… про Веронику Игоревну. – Я снова прочищаю горло, которое будто забили паклей. – Вы не знаете, когда она вернётся?

В кабинете повисает молчание. Утихла и жутковатая «зимняя» гроза, и небо светлеет за холмом кладбища. Всё тише шатаются берёзы, всё реже молнии рвут чёрные облака. Леонидас ещё пару секунду смотрит в бумаги, которые блиндажным накатом вздымаются над столом, затем моргает и выпрямляется.

– Хочу напомнить, что в классе присутствуют люди, – Олеся поднимает руку и обдаёт меня выразительным взглядом, – которым оценки нужны.

– Иди в баню, – шепчу я.

Олеся показывает розовый язычок.

– Вероника Игоревна… – Леонидас, не замечая наш с Олесей обмен любезностями, встаёт и забирает у первой парты экскурсионный список. – Не переживайте, всё войдёт в привычную колею.

Леонидас некоторое время молчит, наконец улыбается.

– Судя по этому листку я должен сказать, хочу я пойти в кино с Шупарским или нет.

Шупарский розовеет и бурчит: «Это не вам».

– Что до Вероники Игоревны, – продолжает Леонидас, – то со следующей недели мы скорректируем расписание так, что химию у вас буду заменять я, а физику – Станислав Федосович. Я вообще считаю, что не дело, чтобы такие важные предметы вёл один учитель.

По рядам разлетаются шепотки, и снова воцаряется тишина, в которой чётко слышатся шаги в коридоре. Мой телефон мигает, отображая ещё один ответ на сообщение Мухоноса: на этот раз удивлённый смайлик присылает Павликовская. Следом загорается «мамадорогая» от Радченко. Под сердцем у меня щекочет от любопытства.

– Артур, – Леонидас делает вопросительное лицо, – больше не добавишь к своему ответу?

Слушайте, это уже действительно похоже на допрос. И да, Веронике Игоревне я бы сказал больше. Например, что молния – типичная разрядка сферического конденсатора, что керамические непроводники позволяют менять ёмкость, как по волшебству, а ионистор это ГОСПАДИБОЖЕ не транзистор. Но то – Веронике Игоревне. Ради Леонидаса – «найн», ибо в голове у него одни причёски и социальные нормы, а замены через неделю-две кончатся, и вернётся обычный порядок вещей.

Я неопределённо дёргаю плечом.

– Как угодно. Непроводник, на секундочку, – Леонидас пародирует мою интонацию, – называется диэлектриком. Это не физика, милый друг, это… диванная физика какая-то. На четвёрку с минусом.

Лицо у меня вскипает, под мышками выступает пот. Я растерянно спрашиваю у Леонидаса «почему?», но это короткое слово тонет в шуме – ибо после секундной заминки класс взрывается аплодисментами и воплями.

– Наконец-то! – кричит Мисевра. – У Арсеньева четыре по физике! Я дожила до этого! Я дожила!

Меня разрывает от возмущения. Умом я понимаю, что отвечал не слишком охотно и бодро, отвечал с пренебрежением, имея в голове, как пару дней спустя выйдет Вероника Игоревна… но, блин, отвечал!

– Мобыть, ты заболел? – сквозь ржание спрашивает Коваль.

– Что-то вы так не радовались, когда просили у него списать, – громко замечает Валентин.

Сегодня он устроился далеко от моего наблюдательного пункта – аж на первой парте. Вообще мы с Валентином обычно сидим вместе, но объяснить это Леонидасу оказалось не под силу. Или дело в напряжении, которое чувствуется у нас с Валентином после «инцидента в ППЧ»? Я будто жду от него очередной гадости, очередного «выпуска». Но вот он заступается за меня, и все сомнения кажутся невыразимо пошлыми, глупыми.

– Почему? – перекрикиваю я балаган со второй попытки.

– Жизнь – боль, – с назидательным видом отвечает Леонидас. Так, будто сделал мне одолжение.

Я пытаюсь убедить себя, что никакой трагедии в четвёрке нет, но червячок сомнений на моём ухе вновь поднимает голову и шепчет – теперь уже громче:

– Ты не заслужил иного. Ты никогда не заслуживал иного.

В голове мелькает глупая мысль: не нарушил ли я чем-то ритуал Дианы? Я и не верил в него никогда, но как ещё объяснить последние годы? Учительским талантом Вероники Игоревны?

Существует ли вообще такой талант?

И почему этот «талант» не сработал с Леонидасом?

Класс всё ржёт. Коваль плоско шутит, Олеся жестом римского императора показывает большим пальцем вниз, и в эту секунду я её ненавижу.

Ненавижу людей, которые считают себя лучше только потому, что быстрее пишут, точнее зубрят и получают высокие оценки. Хоть всю жопу обклейте золотыми медалями, толку-то? Вы не станете лучше или мудрее, у вас не откроются новые способности. Может, вы заработаете миллиард? Ну-ну: посчитайте, во сколько лет получил диплом вышки Билл Гейтс и тот крендель, который делал Facebook. Сбились? Теперь скажете, что красный диплом избавит от Страшного суда? Грамота за участие в районной конференции спасёт, когда черти подожгут ваши пятки?

Поверьте, чертям насрать на ваше образование.

Всем на него насрать. Важна голова, которая умеет думать, и руки, которые умеют делать.

Точка.

Недовольный самим собой, я бухаюсь на стул и хватаю мигнувший телефон. Кручу сообщения туда-сюда, ничего не видя и не замечая. Сердито открываю угрозу банка и пишу: «Как вы узнали обо мне?». Стираю. Печатаю: «Оставьте меня в покое». Удаляю вновь. Подумав, хочу добавить банк в чёрный список, но в эту секунду приходит сообщение.

10:43
Валентин
Не обращай внимания, норм ответил))

Я печатаю, что Леонидас явно меня недолюбливает, но в чат класса селевым потоком идут новые ответы на сообщение Мухоноса, и телефон подвисает. Поначалу я терпеливо жду, но в ленте оповещений вновь и вновь мелькают мои имя и фамилия.

ПОЧТАМПЪ сейчас
Мария
=О Артуро охренеет

ПОЧТАМПЪ сейчас
Серьга
Я говорил, что так и будет.

ПОЧТАМПЪ сейчас
Освальд
Арсеньев в трагедии)))

Леонидас прикрикивает, чтобы всех успокоить. Его никто не слушает.

В окне переписки с Валентином появляется многоточие. Пропадает. Выскакивает новое сообщение.

10:45
Валентин
Зайди в чат класса

Коваль рядом присвистывает, шум в кабинете усиливается и расходится по кабинету волнами: удивления, тревоги, злорадства, но волнами разными – я понимаю, что моя четвёрка вызвала лишь одну из них. Другая же…

У меня появляется дурное предчувствие: оплетает своими склизкими щупальцами нутро и залезает под кожу.

Я открываю общий чат, проматываю вниз, вверх, снова вниз.

Вот.

Сообщение Мухоноса.

Ну, фото.

Фото объявления, которое приклеили на остановку. Двумя пальцами я увеличиваю масштаб и с лёгким удивлением осознаю, что разглядываю чёрно-белый снимок Вероники Игоревны.

Какая же она красивая.

На миг я зависаю на этой мысли, а затем у меня между лопатками проступает холодный ручеёк.

ВНИМАНИЕ, ПРОПАЛА МАМА!
ФРОЛКОВА ВЕРОНИКА ИГОРЕВНА, 29.08.1980 Г.Р.
ПРОЖ. Г. СЕВЕРО-СТРЕЛЕЦК, 166345, МЕЛОВОЙ ТРАКТ, Д. 14
29 МАРТА 2018 Г. УШЛА НА РАБОТУ В ГИМНАЗИЮ И НЕ ВЕРНУЛАСЬ
ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕЁ ВИДЕЛИ ВО ДВОРЕ ГИМНАЗИИ ИМЕНИ УСИЕВИЧА
ПРИМЕТЫ: РОСТ 178 СМ, РЫЖИЕ ВОЛОСЫ (СОБРАНЫ В ХВОСТ), ЧЁРНЫЕ ГЛАЗА, ВЫГЛЯДИТ МОЛОЖЕ СВОИХ ЛЕТ
БЫЛА ОДЕТА: КОРИЧНЕВАЯ ЗАМШЕВАЯ КУРТКА С ЧЁРНЫМИ ВСТАВКАМИ, ЧЁРНЫЕ ШТАНЫ, КОРИЧНЕВЫЕ ЗАМШЕВЫЕ МОКАСИНЫ, ЧЁРНЫЙ СВИТЕР С СЕРДЦЕМ ИЗ БИСЕРА НА ГРУДИ, ВИШНЁВАЯ СУМКА
ВСЕГДА НОСИТ БРАСЛЕТ С ПТИЦАМИ ИЗ ЧЁРНОГО МЕТАЛЛА
ВСЕМ, КОМУ ЧТО-ЛИБО ИЗВЕСТНО О ЕЁ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ, ПОЗВОНИТЬ ПО ТЕЛ. +7 962 271 74 27
ПОЖАЛУЙСТА-БЛИН-ПОЖАЛУЙСТА!

Сон седьмой. Дома стоят дольше, чем люди

«Пропала», – разносится в голове, как эхо в мрачном ущелье. Будто речь идёт не о человеке, а о морской свинке.

Валентин что-то упорно трындит мне в ухо, но я не различаю слов.

Вероника Игоревна пропала.

Я неестественно захахатываюсь, и лицо Валентина удивлённо вытягивается.

Вероника Игоревна, и пропала.

Снова!

Ну кто так делает?!

Коридоры сходят с ума от перемены: скрипит обувь по линолеуму, младшеклашки визжат, старшие тарабанят «Басту» на гитаре. Нос истязают запахи пота и духов. Я иду сквозь эту мешанину, будто сквозь ядовитое облако, и рядом – уже молча, с обиженным видом – топает Валентин. Позади треплются Коваль и Олеся.

Обсуждают Веронику Игоревну?

Еду в столовке?

Новый стрим Олеси?

У вас не возникало ощущения, что вы… ну, положим, кактус? Когда идёте по улице или коридору и наблюдаете со стороны за людьми? Словно срабатывает переключатель, и голоса превращаются в фоновый шум, в сонное бормотание органического супа. Вы не понимаете ни язык этого супа, ни его поведение и чувствуете себя натуралистом, который делает передачу об инопланетной природе: «Сегодня мы расскажем, как питаются и размножаются вон те говорящие кожаные мешки…»

Я сворачиваю к туалету. Мне отчаянно хочется минутку тишины, но Три Ко следуют по пятам нелепым конвоем и бубнят, бубнят, бубня-я-я-я-ят.

На двери подёргивается в сквозняках объявление:

УВАЖАЕМЫЕ БУДУЩИЕ МУЖЧИНЫ!
УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА ХОДИТЬ В УНИТАЗ, А НЕ НА ПОЛ.

– Встречаемся здесь, мальчики, – раздаётся голос Олеси.

Я набираю в грудь воздуху и толкаю дверь.

Может, объявление и прочитали, и администрация поставила новейшие писсуары, но мужской туалет всё так же напоминает полигон для испытания бактериологического оружия. Сигаретный туман прочерчивают снопы света, пахнет – а сами представьте, как пахнет! – и нельзя ни шагу ступить, чтобы ни во что не вляпаться. Идеальное средство против брезгливости.

Я поспешно заталкиваюсь в левую кабинку и с минуту стою в тишине, пока обоняние не содрогается от вони, а внимание не переключается к настенной живописи.

БОЙСЯ БОГОВ, СКРЫТЫХ СРЕДИ НАС

КАКОЙ ДЕБИЛ НАМАТЫВАЕТ ОБРАТНО ОБОСРАННУЮ БУМАГУ?

ФРОЛКОВА НЕ ОСЬМИНОГ, ВСЕМ ОДНОВРЕМЕННО ДАТЬ НЕ МОЖЕТ

– Чё за тупая семья! – вырывается у меня.

– Прости? – раздаётся от писсуаров голос Валентина.

– Говорю, чё за тупая… весна!

Я сердито справляю нужду и, выходя, сталкиваюсь:

а) с Валентином,

б) с отцом Николаем, который выкарабкивается из дальней кабинки.

Не побогохульствую, если скажу, что отец Николай застёгивает ширинку?

– Деда?! – Бровь Валентина уползает на лоб.

По-гречески прямой нос отца Николая поворачивается, словно флюгер. Крупные золотистые глаза сверкают за чёрными роговыми очками и фокусируются на нас.

Я осторожно шепчу: «Здрасте».

– Смотрите-ка, – рокочет зычный голос отца Николая. – Какое явление. Доброе утро, Артур. Доброе утро, внук. И подозреваю… – Он поднимает глаза к потолку и говорит громче: – Доброе утро, Кирилл!

– Добрутро! – нечленораздельно кряхтит Коваль из средней кабинки. Ему вторит Валентин с коротким «привет, деда».

– Вы ходите в ученический туалет?

– Разве это запрещено? – улыбается мне отец Николай.

– Нет, но… – мямлю я и смотрю на Валентина, который выглядит так, будто стукнулся лбом о притолоку. – Есть же для учителей.

– Честно сказать, – говорит отец Николай, моя руки и улыбаясь, – здесь я позорно прячусь от Евгения Леонидовича. У него слишком много вопросов, на которые слишком тяжело отвечать.

– Деда, – Валентин долго подбирает слова, – парни могут начать… эм, всякое говорить.

Отец Николай добродушно улыбается.

– Что твой дедушка ходит в туалет?

Валентин молчит, и я догадываюсь о его опасениях. В гимназии только дай повод – и через минуту все классы заговорят, мол, священник подглядывает за мальчиками. Потом это дойдёт до безумных мамаш – и начнётся охота на ведьм, как с лунатизмом Дианы или с четвёрками Вероники Игоревны.

Я цепляюсь за эту мысль, словно рыба за крючок, и осторожно спрашиваю отца Николая:

– Вы не слышали, что Вероника Игоревна вроде пропала? Не может быть такого, что она опять у вас?

– Думаешь, я бы не сказал? – отвечает за деда Валентин.

С лица отца Николая сходит весёлость, обнажая, словно кости, немолодого и усталого человека.

– То есть вы… я понимаю, что её уже искали. Она… я…

– Думаю, Артур, Вероника Игоревна там, где хочет быть. Знаю точно, что это место больше не в нашей общине. Иного мне, к сожалению, не известно.

Отец Николай мизинцем поправляет очки и подходит к двери. На пороге его сутулая фигура приостанавливается.

– Артур?

– М-м?

– Ты не можешь помочь Веронике Игоревне, но Диане в такую минуту очень нужны друзья. Как бы она себя ни вела и что бы ни делала. А ещё… – Отец Николай сверяется с часами и наклоняет голову, будто переливает мысли из одной половины черепа в другую. – Ещё вам стоит вернуться в класс, потому что через пару минут начнутся очень внеплановые антитеррористические учения. И если Евгений Леонидович будет меня искать, то скажите ему, что я взял грех на душу и взорвался с террористами.

Отец Николай улыбается, но как-то натянуто, через силу, и выходит.

Я удивлённо смотрю ему вслед и не сразу понимаю, что Валентин обращается ко мне.

– Чё?

– Да говорю, вот почему она в пустынь приходила.

– Кто?

– Ты спишь, что ли? Рептилия твоя.

Сперва я не понимаю, на кого намекает Валентин, и только секунд пять спустя мне в голову забредает Диана.

В приступе лунатизма, в шапке-гандонке и с пачкой объявлений под мышкой.

Объявлений о пропаже мамы?

– Сын мой! – восклицает Валентин прежде, чем я возмущаюсь «рептилии», и стучится в среднюю кабинку. – Ты там срёшь, что ли? Сейчас начнётся учебная тревога.

– Угу, – мычит Коваль. Звучит он будто из унитаза.

– Долго ещё?

– Да чё-то паровозик… – доносится рокот пердежа, – не едет.

Под звуки этой высокоинтеллектуальной беседы я направляюсь к раковине и дёргаю вентиль крана.

Диане нужны друзья?

Ой, да идите вы в баню!

Диана УДАЛИЛА меня из «друзей».

Диана добавила меня в чёрный список.

Диана показала мне средний палец.

Ладно, последний пункт вычёркиваем за мелочностью, но – но! – Диана ни словом не обмолвилась о маме, не попросила ни о помощи, ни вообще о чём-либо – хотя уже вовсю клеит объявления по столбам.

Так почему я должен что-то делать?

Потому что обещал Веронике Игоревне поговорить с Дианой?

Потому что их семью преследует коллекторское агентство?

Потому что друзей не бросают в беде?

Ну, так мы уже не друзья с Дианой. Кончено. Кончено!

Волосы у меня встают дыбом от понимания, насколько глубокая пропасть пролегла между нами.

Чем больше я об этом думаю, тем больше чувствую леденящую жуть беды, которая затаилась рядом. Тем больше чувствую вину – потому что сердцем или душой, но я давно уже оставил Диану в прошлом.

Предал её внутри себя.

Мои грязные руки зло дёргают вентиль. Трубы хрипят, сипят, но струя не появляется. Ну конечно. Святой отец умылся – так почему бы небесам не отключить воду?

Я вытираю ладони о штаны, достаю телефон и, чувствуя беспокойство, дрожь, выстукиваю по экранчику номер Дианы.

Ответь.

Открой рот и ответь, рыжая.

Гудит нота ля в динамике, обрывается. Звучит снова. Я замираю от напряжения. В кабинке Коваля раздаётся очередная канонада, и что-то тяжёлое, непотопляемое плюхает в воду. Я морщусь, инстинктивно прикрываю нос. Валентин аплодирует, Коваль бурчит «иди в жопу», и тут в динамике щёлкает. Правое ухо наполняет шорох ветра.

– Д-диана?

Молчание.

– Это я! Я только узнал…

– Иди на хер, – доносится чистый и холодный голос.

Поначалу он звучит приятным контрапунктом к шумам туалета, но затем активная часть разума включается в процесс и идентифицирует обертона Дианы.

Звук ветра пропадает.

Мой взгляд опускается на экран, где мигает тёмно-серым «Вызов завершён».

М-да.

К своей чести, я принимаю сброс с английским спокойствием.

«Ну, она заговорила, – соглашается внутренний голос, – и на том спасибо. Всё-таки Диане тяжело. У Дианы сложная ситуация. Ей нужны друзья, как бы она ни вела себя».

В голове всё звучит разумно, логично, но потом в три отрывистых мяучит сигнал тревоги, и что-то горькое, кипящее выплёскивается в солнечное сплетение. Я до боли вдавливаю палец в экран и перезваниваю Диане. Доносятся мерные гудки и соединяются в голове с завыванием репродуктора, с антилопьим топотом из коридора, с приглушённым ржачем и выкриками учителей, которые тщетно пытаются не превратить учения в бедлам.

Диана не берёт трубку.

***

К дому Вероники Игоревны подкрадывается вечер и жидким золотом стекает на ледовый припай у берегов. Ветер мчит перламутровые облака к горизонту: наливает их сизым, клубит, сердит и пускает им закатную кровь. Моя красноватая тень ложится на крыльцо, которое замело снегом и дырявыми мумиями прошлогодней листвы. Рука трижды падает на дверь, и в воздухе разносится гулкий стук.

– Диана, блин!

Поднимается ветер и разбрасывает мусор. Ручка лязгает под рукой, но уже градусе на десятом поворота упирается в невидимую преграду.

Разумеется, закрыто. Замки вообще придумали, чтобы эм-м… закрывать. Даже не знаю, что ещё сказать по этому поводу.

– Ну чего там, сын мой? – спрашивает Валентин и брезгливо смотрит на дверь. Посреди неё темнеет выбоина от топора.

Я шумно втягиваю носом воздух, и с глубины сознания всплывает прозвище, которым Диана давным-давно одарила Валентина.

Рыба-прилипала.

Честно говоря, оно до смешного ему подходит. Вот сейчас: я не хотел, чтобы Три Ко шли со мной, но Валентин всё-таки увязался, и, конечно, Гордейки – Коваленки увязались следом. Это как идти с корзиной мартовских котов. Да, понятно, что Валентин хочет помочь; понятно, что он добрый, хороший парень, который искренне переживает за друзей, но неужели так сложно оставить человека в покое? Хоть иногда. Хотя бы на тридцать минут.

– Ну, чего? – повторяет Валентин.

– Закрыто, – отвечаю я, старательно пряча раздражение в горле – где-то у самых связок. Моё лицо куда меньше поддаётся контролю: предательски напрягается и ожесточается. К счастью, Валентин смотрит в сторону моря.

Я осознаю, что ещё держу ручку и медленно отпускаю. Она с пружинистым металлическим щелчком поднимается в исходное положение.

– Гы, – радуется Коваль, – зырь.

Когда я схожу с крыльца и заглядываю в окно, мне становится не по себе: сквозь зубчатую дыру грустно смотрит пустая комната. Ковры свёрнуты, мебель накрыта белыми простынями, и по углам, подобно сиротам, жмутся друг к другу картонные коробки. На полу валяется мшистый булыжник с комьями земли, на раме белеет очередное «Верни долг».

Диану напугали до той степени, что она собралась и покинула дом?

Куда?

Мне представляется Диана, уходящая по меловой дороге.

Уходящая в тлен, в пустоту, в распад – без надежды вернуться.

В разбитом стекле отражается бледная сценка: ветер хлопает полами куртки несуразного, с бычьей шеей парня, зарывается в его «нацистскую» причёску. На плече у парня дремлет зубастый рюкзак, в рюкзаке мёртвым грузом лежат ключи Вероники Игоревны.

Достать бы их, войти. Но как? В присутствии чёртовых Трёх Ко?

Я провожу рукой по лицу, по голове – словно этим движением сниму наваждение. Увы, дыра в окне не исчезает, и мои пальцы бессильно вспахивают собственные волосы.

– Лесь, – просит Валентин. По тону её имя звучит как «стоп», «хватит». Я оглядываюсь и вижу, что Олеся отошла к дороге и снимает нас на сотовый.

– Такой дом фотогеничный, – возражает она. – Лавкрафтовский.

– Мистический, – вторит Коваль.

В другую минуту я бы разозлился на них, подобрал бы пару крепких выражений, но сейчас внутри пусто. Словно бы все эмоции упаковали в картонные коробки, заклеили скотчем и прикрыли белыми, хрустящими от крахмала простынями.

– Лесь! – «стоп» в голосе Валентина звучит ещё отчётливее, взглядом он показывает на меня. Я делаю вид, что не заметил этой сценки. Слишком неуютно от неё, и, хотя Олеся выключает камеру, облегчения не приходит. Словно бы отекло что-то в душе или в солнечном сплетении. Отекло и потеряло чувствительность.

Интересно, когда Диана убирала вещи перед уходом, у неё внутри так же онемело?

Как во сне, я достаю телефон, прокручиваю список контактов и нажимаю вызов.

– Данный номер не обслуживается, – сообщает автоответчик сотового оператора.

Семнадцать раз я звонил Диане и последние девять из них слушал этот ответ. Я его ненавижу. Я хочу расчленить его, распихать по чёрным мусорным пакетам и утопить в Кижне.

– Хватит тут околачиваться! – раздаётся старушечий крик. Ниже по дороге, у берёзовой рощи, проступает силуэт женщины.

– Вы знаете, где семья из этого дома?! – спрашивает Валентин.

– Никого не знаю! Идите!

В ответ хочется надеть на всех по гирлянде и барабану и маршировать военным парадом. Назло. Это же лучший стимул на свете – делать назло тупым, как бараны, людям.

– Знаешь, я тут был пару раз, – неожиданно говорит Валентин.

– Чё? – Моё лицо собирается в гримасу сомнения. – В смысле?

Олеся и Коваль синхронно поворачиваются к нам.

– Дед брал меня. Ну, как твоя Мадам Кюри ушла из пустыни.

– Во-первых, не моя. Во-вторых… зачем?

– Не знаю, – Валентин видит моё удивление и пожимает плечами. – Может, он хотел, чтобы я с ней подружился.

– В смысле? – глупо повторяю я.

– Да не знаю! У деда спроси!

– И чё вы делали?

– Ну, приходили. Что ещё? Он говорил с Мадам Кюри. Я сидел в комнате твоей…

– Не надо её обзывать…

– …ДИАНЫ.

– Как сидел? – я продолжаю линейку гениальных вопросов.

– Сиднем, блин. Как ещё сидят? Ну, приносил ей какие-то конфетки, шоколадки. Предлагал помочь с уроками. Приносил книжки. Дед говорил долго. Я сидел долго.

Из меня вываливается растерянный смешок.

– Угадаешь, что она делала всё это время? – спрашивает Валентин.

В голове мелькает ответ, но я почему-то оставляю его при себе и качаю головой.

– Молчала, – он странно улыбается. – Всю дорогу. Как вот пытала меня этой тишиной. Сидела, смотрела. И молчала. Молчала…

Над взморьем повисает тишина, изредка прерываемая посвистыванием ветра. Словно Диана незримо проходит между нами и околдовывает всех заклинанием немоты. Я открываю рот, хочу что-то ответить Валентину, но так и не нахожу подходящих слов.

В джинсах вибрирует сотовый, подводя невидимую черту под разговором. Ловит алый закатный луч и будто тяжелеет, наливается свинцом – номер оказывается незнакомый.

Я осторожно спрашиваю: «Алло?»

– Федеральное агентство «Башня». Семья вашего друга должна нам денег, – произносит монотонно, с ровными паузами девушка. Так, будто она привыкла общаться с глуховатыми, глуповатыми пенсионерами.

Я моргаю и с удивлением смотрю на телефон. Медленно подношу к уху.

– Ч-чё?

– Это только начало, – спокойно, без намёка на угрозу говорит девушка.

Меня хватает лишь на второе, ещё более невразумительное «чё?».

– Им никуда не скрыться. Мы их найдём. Они ограничили доступ к своим страницам. Мы знаем адрес. Мы знаем все контакты. Из города они не уехали. Передайте им, чтобы отдали кредит. Пусть боятся и опасаются.

У меня искрой проскакивает мысль, что девушка читает текст-заготовку.

– Кто там? – беззвучно, одними губами спрашивает Валентин.

Я качаю головой, мол, не заморачивайся, и усмехаюсь в трубку.

– Вы серьёзно?

Знаю, что серьёзно. Знаю, что уже звонили всем, кого нашли, и повторяли этот текст до тех пор, пока он не утратил эмоциональный привкус, не превратился в пресную словесную жвачку.

– Мы серьёзны. Если поможете выбить деньги, оставим в покое, получите долю. Если нет – пеняйте на себя.

– Вы… – я набираю воздух. – Вы со своими угрозами смехотворны.

– Посмеёмся, когда в ближайшее время найдут их трупы.

– Я звоню в полицию! – кричат от берёзовой рощи.

Валентин что-то отвечает назойливой соседке, но мой слух уже не различает слов: от угроз о трупах и от этого ора бесчувственный отёк внутри меня начинает лопаться, и голос ощутимо дрожит:

– Да мне насрать, чё у вас там, а вот я могу… за такие слова, знаете что? Я… в полицию!..

– Советую обращаться туда осторожнее, – с раздражающим спокойствием отвечает девушка. – Иначе все узнают, что вы являетесь разносчиком половой инфекции.

Валентин подходит с обеспокоенным лицом и протягивает руку к моему телефону:

– Кто там?

Я отхожу в сторону и знаком показываю не мешать.

– Всё, звоню в полицию! – кричат от берёз. – Звоню!

– Да начхать мне на ваши советы, – тихо-тихо говорю я в трубку. – Не думаю, что мелочь вроде вас, звонящая всем подряд, соображает достаточно, чтобы давать советы. Думаю, вы обыкновенная тупая… я не знаю, КОРОВА, которой место в коррекционке, иначе заметили бы, что меня уже НЕТ в «друзьях» вашего должника.

Я оглядываюсь на шум и вижу, как Коваль под командованием Олеси вытаскивает валун из древнего лабиринта. За ним погружается в воду тяжёлое багровое солнце и выжигает снег вокруг розовато-красным сиянием. Камень мшистый, с рыжиной, с пятнами снега. Олеся хохочет. Коваль охает и дёргает рукой, будто отдавил пальцы.

Мне кажется, или временами он подходит Олесе куда больше, чем Валентин?

– Мой ум адекватен, – со вздохом усталости отвечает девушка, – чтобы понимать, что я говорю с малолеткой.

– Вам откуда знать?

– Я знаю многое. Например, что малолетка учится в городской гимназии. Учится не ахти, его несколько раз оставляли на осень. За исключением пары предметов, оценки у малолетки ниже среднего. Малолетка проживает с отцом на Западной вахте. Пятьдесят второй дом. Квартира 302. Отца большую часть времени дома и в городе не бывает. Сейчас малолетка засветился со своими тремя друзьями-малолетками перед домом четырнадцать по Меловому тракту.

Я не сразу осознаю смысл этих слов, но проходит секунда-другая, и их грубый яд действует: прошибает холодным потом, заставляет пройтись по крыльцу и нервно оглянуться – в поисках камеры, человека с биноклем, чего угодно. Я бросаюсь к дороге, к парочке Олеся – Коваль у каменного лабиринта. Возвращаюсь к крыльцу, к окну и опять к дороге – по кругу, по замкнутому кругу, под тревожным взглядом Валентина, под заливистый хохот Коваля, под тёплыми струями закатных лучей.

В динамике царит тишина, и постепенно до меня доходит, что вызов завершён. Рука с телефоном опускается, но в плечах и шее ещё чувствуется напряжение, и живот ещё скручивается в тугой, болезненный комок.

– Кто это? – спрашивает Валентин. Лицо у него хмурое, даже сердитое.

С четвёртой или пятой попытки я убираю телефон в карман.

– Дебилы. Н-не важно.

– Коллекторы?

Я отвожу взгляд, но Валентин и так понимает.

– Бычили?

– Да фиолетово.

Соседки у берёз уже не видно. То ли ей надоело кричать, то ли она действительно звонит в полицию. Коваль самозабвенно изображает из себя и валуна учёного с яйцом динозавра. Поднимается кусачий ветерок и там, где совсем не осталось снега, ерошит прошлогоднюю листву под ногами. На землю стекает красноватый отсвет заката и вызывает чувство, что меня не существует, что я пустая, призрачная оболочка.

Может, это и впрямь какой-то пугающий сон?

Сопор?

Кома?

Пропала Вероника Игоревна. Ушла Диана. А я получаю по полной за эту семейку. Терплю угрозы, нервничаю – ради чего? Ради дружбы, которой уже нет? Которая закончилась где-то там, на Холме смерти? А может, и не начиналась, а была сном, фантомом – о чужих друг другу душах, отбывающих срок на одной планете, на одном отрезке жизненного пути?

От этих мыслей во мне поднимает рыло какая-то поросячья, животная злость. Не зная, как вытащить её из себя, из моего же нутра, я деревянным шагом иду прочь от дома. Странной процессией, с доисторическим камнем наперевес за мной топают Три Ко.

– Квест окончен, сын мой? – спрашивает Валентин.

Перед внутренним взором мелькает картинка: Диана в лососёвой форме показывает Fuck.

– Нет, – отвечаю я. Оглядываюсь на спящий дом Вероники Игоревны и повторяю: – Нет!

– Хочешь, чтобы тебе ещё кто-то угрожал?

Диана бесцветным голосом говорит мне в ухо: «Иди на хер».

– Тихо.

Иди на хер.

Иди на хер.

– Прости?

– Валь, блин! – Я понимаю, что он не отстанет и фальшиво улыбаюсь. – Ты думаешь, я хочу ей помочь. Правильно? Ну, так мне фиолетово на все эти долги и угрозы. Я хочу её лично, глядя в глаза, послать.

Сон восьмой. Изнанка

Мой палец утыкается в плексиглас, под которым прячется расписание, и с мерзким скрипом движется влево. Вуаля, 10 «Б» Дианы. В первую тройку её пыток затесались география (каб. 25), МХК (каб. 31) и та-да-дам… ОБЖ (каб. 12). Уникальные экземпляры в коллекции дисциплин, которые вызывают рвотные позывы и желание посетить логопеда. Боже правый, какая разница, на что ориентируется мировая чёрная металлургия или чем иконопись Рублёва отличается от любой другой иконописи?

КАК это пригодится в жизни???

Ладно, кабинет географии. Здесь окна дребезжат от ветра, а на фоне штормового неба вырисовывается пара милах – высокая и низкая. Им явно не до чёрной металлургии: пока остальной класс проходит диспансеризацию, эта парочка репетирует что-то околотеатрально-стихотворное на немецком языке. Дылда, сияя макияжем панк-принцессы, уверяет, будто Диана на уроках 10 «Б» не появлялась с неделю; лохматая коротышка молча строит мне глазки.

Улыбайся им. Улыбайся!

Я вежливо благодарю актрис и под лязг немецких стихов топаю на общагу.

Сей предмет ведёт Богиня, которая:

а) чудо как похожа на лепрекона (за оригиналом отсылаю вас к одноимённому фильму ужасов 1993 года);

б) фонтанирует перлами;

в) даёт странные доклады – типа: «Польза и вред мастурбации» (это писал Валентин, если вдруг).

Говоря о перлах, я не преувеличил: Богиня несёт такую хрень, что Валентин в «Почтампе» создал отдельную страничку. Заходите, там полно мемов, видюх и фразочек в духе: «Жвачка – это доминанта, которая идёт в мозг».

Вот и сейчас, подходя к двери, я слышу, как голос Богини монотонно зачитывает:

– «…обожает роскошь, у них плохие манеры и нет никакого уважения к авторитетам, они высказывают неуважение к старшим, слоняются без дела и постоянно сплетничают». Я вынуждена это читать, не надо на меня так смотреть. «Они всё время спорят с родителями, они постоянно… – Богиня прерывается на секунду, когда я заглядываю в кабинет, и тут же продолжает: – они постоянно вмешиваются в разговоры и привлекают к себе внимание…»

Симонова хихикает. Богиня непонимающе оглядывается и, ведя указательным пальцем по бумаге, заканчивает цитату:

– «Они прожорливы и тиранят учителей». Кто нам скажет, про кого это?

– Да про Артура! – предлагает Валентин, и по рядам разлетается смех.

Я с трудом прячу улыбку и демонстративно хлопаю Валентину.

– Это была фраза о молодёжи. – Богиня слюнявит палец, перелистывает страницу учебника, прочищает горло. – Понимаете? О молодёжи. Кто может рассказать, чью фразу я цитировала?

– Сократ? – предлагает Олеся.

– Домкрат, – шепчет Коваль.

Из противоположных концов класса сыплются варианты:

– Ленин!

– Бальзак!

– Пётр Первый?

– Папаня мой, – снова шутит Коваль.

Олеся хрюкает.

– Сорян. Можно? – спрашиваю я, когда изображать фонарный столб надоедает. – Нельзя?

Учитывая количество бреда на общаге, я не шибко расстроюсь, если меня выгонят за стотысячное опоздание.

Наверное.

Не знаю.

Богиня бросает взгляд поверх очков и тоном мудрого старца вопрошает:

– Ну, вечно опаздывающий, кого я процитировала?

– Э-э-э…

– Ты ещё сам не знаешь, но скажешь – поймёшь.

Я чувствую, что мои брови ползут вверх.

– Вы процитировали кого-то, кто определяет качество человека по возрасту. Что недалеко ушло от определения качества человека по цвету кожу и национальности, то есть от газовых камер, воплей «зиг хайль» и расовой сегрегации.

Валентин падает лицом на парту.

– Трибуну Арсеньеву! – предлагает Симонова.

Мисерва вторит:

– Дайте две!

– Тю-тю-тю, – Богиня победно оглядывает класс и с хитрецой сообщает:

– Это сказал Аристотель! Напишите большими буквами в тетрадях: ЭТО СКАЗАЛ АРИСТОТЕЛЬ.

– Ариспопель, – шепчет Коваль.

Олеся отмахивается от него и спрашивает Богиню:

– Простите, Александра Александровна, откуда у вас информация, что это сказал Аристотель?

– Я знаю всё, везде. – И небрежным взмахом руки Богиня отметает любые возражения.

Так и не дождавшись разрешения войти, я топаю к своей парте. Дверные петли душераздирающе скрипят, по окнам ударяют порывы ветра. Кланяются берёзы, и по улице проносится вихрь.

Я бухаюсь за парту, где корявая надпись заверяет меня, что «любовь – это роза в куче навоза». На соседнем стуле вздрагивает Сырок: бормочет под нос «млым-брлм» и тут же опять засыпает.

Подняв рюкзак, я вытряхиваю содержимое из зубастой пасти. На столешницу шлёпается тетрадка-скоросшиватель с танком Т-34, следом падает-цокает трёхцветная ручка.

Прекрасно. Ниндзя-Артур готов.

Вроде… Вы смотрели киношку, где герой предлагал запихнуть жизнь в рюкзак и так пройтись? Подумайте: в нём бы лежали не только все ваши штаны, труселя и футболки, но и друзья, близкие; воспоминания. Далеко бы вы дошли с таким грузом?

Не то чтобы мой рюкзак сильно отличался бы от вашего (кроме зубастой морды – мой бы закусал ваш до смерти, хе-хе), но что-то есть в этом прекрасное – когда вокруг лишь необходимый минимум.

Ну подумайте сами: мы каждый день выбрасываем разнокалиберное барахло – из рюкзаков, карманов и шкафов, из мусорок и холодильников – но всё равно непреодолимо тонем. Тонем в вещах, тонем в мыслях – увязаем, будто в болоте, и покупаем, и выбрасываем, и добавляем новых «друзей», и ищем новые впечатления, и снова покупаем-выбрасываем-добавляем, не замечая, как спирает грудь от диванов, пустяковых эмоций и бессмысленных контактов, когда действительно нужные вещи и нужных людей можно перечесть по пальцам.

Зачем?

Зачем мне тетради, которые я всё равно испишу и выброшу?

Зачем учу ненужные никому предметы?

Зачем десять лет, как отбывая срок, хожу в гимназию?

Зачем дружу с Валентином, Ковалём и Олесей?

Нет ответа.

Бубнёж Богини о том, как Жан-Жак Руссо делил возраст молодёжи на пять периодов, звучит издёвкой. Дабы отвлечься, я глазею по сторонам, и кабинет литературы, где проходит общага, в очередной раз напоминает мне жутковатую усыпальницу. Все эти старые книги со сладким запахом, все эти чёрно-белые портреты литераторов, что плохо-плохо кончили.

Вот Пушкин – его застрелили. Вот Лермонтов – его тоже застрелили.

Вот Гоголь – его похоронили заживо. Вот Маяковский, он – приятная неожиданность! – застрелился сам, а рядом Есенин, который сам повесился.

Хорошая, блин, компания.

В поясницу мне утыкается ручка. От неожиданности я вздрагиваю и сажусь прямо. Сзади доносится тихий голос Валентина:

– Сын мой! Говорил со следователем про Мадам Кюри?

Внутри расплёскивается такое раздражение, даже гнев, что делается не по себе. Мало приятного, если тебя долбят ручкой, но это Валентин, а не чёрт-те кто.

Успокойся.

Успокойся!

Усилием воли я загоняю эмоции в дальний чулан разума и шепчу, чуть повернув голову:

– Ага, он перебил меня на втором слове и спросил, знаю ли я, что у меня кариес. Я сказал, теперь знаю.

– Прости?

– Он спросил, знаю ли я, что у ме…

– Ты нам это не рассказывай, Арсеньев, мы тут женщины! – раздаётся голос Богини. – И ручкой-то, ручкой-то – зачем? Щёлкает и щёлкает. Щёлкает и щёлкает.

Класс гогочет. Я удерживаю большой палец от очередного щелчка и со стуком бросаю ручку на парту. Сырок вздрагивает и осоловело оглядывается. Данного индивида на самом деле зовут Каменевым Кириллом. Он почти ни с кем не разговаривает и каждый божий день обгладывает полиэтиленовые пакеты с размазанными по стенкам глазированными сырками. Нет, я понимаю, что его мама или папа заботятся, собирая ребёнку обед. И Вероника Игоревна тоже так делала, когда жила с нами, но – ГОСПОДИ БОЖЕ – нельзя же жрать эту дрянь постоянно?!

Что до следователя – вообразите красноносого мужика с редкими седыми волосёнками и бывшей женой-стоматологом. Он заезжал вчера в гимназию и куда больше интересовался моим кариесом и собственным разводом, чем Вероникой Игоревной.

Часы медленно движутся к девяти нуль-нуль. Богиня делит класс на три группы, и нашему ряду достаётся «Роль молодёжи в социально-политической сфере».

Если верить каракулям Богини на доске, мы должны объяснить, что такое правоспособность, затем – блюющий смайл – обвинить самих себя в инфантилизме и – блюющий смайл – провозгласить манифест современного подростка.

М-да-а-а…

Вы ощущаете уровень моего скепсиса?

– Сваргань опрос в «Почтампе», – шепчет Валентин, и от нового тычка в спину я опять дёргаюсь-выпрямляюсь, как натренированная мартышка.

– Ай! Чё тебе?

– Опрос наколдуй, а? Сын мой! С манифестом.

– Я, блин, даже не знаю, чё это слово значит.

Сзади раздаётся нарочитый стон.

– То есть что такое лантаноиды, ты знаешь, а манифест… твоя моя не понимать?

– Валь, чё ты пристал?

– Зарядки мало, – отвечает он и добавляет едко: – Иначе сам бы сделал, а не просил ваше высочество.

– Девизы, ну или лозунги. Проблемы, – объясняет Сырок и тут же краснеет от смущения.

– Да?.. Спасибо, – благодарю я и выпучиваю глаза в сторону Валентина.

Через секунду он отвечает в «Почтампе»:

Валентин 9:03
Валаамова ослица заговорила.

Раздумывая о возможном сходстве неведомой ослицы и Сырка, я пишу в группе класса: «Народ, дайте мысли для манифеста (девиза, лозунга, проблемы) Богине». Перечитываю текст, исправляю буквы, перед которыми спасовал Т9. Отправляю.

Наш ряд вяло изучает Википедию в поисках слова «правоспособность». Шелестят тетради, окна жалобно подрагивают под напором ветра, который завывает во дворе.

Однообразие нарушает мой телефон: он брынькает, и на экране всплывает зеленовато-голубой прямоугольник сообщения:

ПОЧТАМПЪ сейчас
Аня Симонова
Я за то, чтобы дискотеки вернули. Я прям расстроилась, когда зимой отменили ((
И пусть сделают шкафчик для хранения вещей, я удолбалась таскать учебники

– Во, пошло, – шепчет Валентин, и я дёргаюсь из-за очередного тычка под лопатку.

– Блин! Хватит меня долбить!

– Не ной. Это пульт управления Артуром.

Под десятками взглядов я встаю и с грохотом волочу парту вбок, к подоконнику – так, что Валентину не дотянуться. Перетаскиваю свой стул, передвигаю стул Сырка вместе с хозяином и демонстративно смотрю на Валентина.

– Хватит, – громко повторяю я и сажусь.

Он с лёгким удивлением поднимает руки, мол, хватит, но пламя в моём животе так и не рассасывается.

Успокойся.

Пожалуйста, успокойся.

Экран телефона медленно гаснет, не чувствуя никакого интереса со стороны хозяина, потом включается снова.

ПОЧТАМПЪ сейчас
Сергей Коваль
Жратву нормальную в столовке
Удаление омлета
Удаление протекающих/падающих на голову потолков
Легализация матриархата
Долой стереотипы о мобилах

Экран уже не темнеет – потому что сообщения приходят одно за другим:

ПОЧТАМПЪ сейчас
Оля Мисевра
Было бы здорово, если б ЕГЭ после 9 класса, затем 2 года и точно в универ
Свободная форма

ПОЧТАМПЪ сейчас
Олеся Гордейко
Считаю необходимым:
– обеспечивать учёбу в иностранных вузах за победу в олимпиаде по английскому
– запретить учителям касаться ученика и его вещей без разрешения!
– ввести нормальную медицинскую систему

ПОЧТАМПЪ сейчас
Олег Петраков
Ага. Где ты денег возьмёшь на учёбу в иносранных вузах?
Лучше пусть сделают меньше ненужных предметов, типа этого

ПОЧТАМПЪ сейчас
Катя Бабухадия
Закрывающиеся двери в туалетах или хотя бы бумага
Молодые учителя вместо старых (можно до 50)
Анонимная психпомощь (по нам видно)

ПОЧТАМПЪ сейчас
Мария Ремпель
Чтобы была нормальная медсестра и чтобы она лечила

Чтобы были коньки и бассейн
Чтобы все уроки кончались к 6 рт
Чтобы не было тараканов, хотя бы в столовке и в раздевалке (про слизней молчу)
Чтобы не надо было одеваться в чёрное, как на траур

ПОЧТАМПЪ сейчас
Ленка Павликовская
Короткие перерывы в начале и долгие потом, возможность гулять
Места для молитв и исповеди, как у отца Николая тогда
Бесплатный проезд
Работа с 14 лет

Я с некоторым удивлением смотрю на это цунами сообщений, затем зрение уходит в расфокус. Буквы на экране двоятся и раздвигаются в стороны, словно в балетном номере.

Моё «Лебединое озеро».

Сырок рядом тоже скучает: вычерчивает дату почтовыми цифрами и, временами покусывая карандаш, рисует девушку-киборга с мечами. Раз катана, два катана. Персонаж до неприличия напоминает Диану, и ещё секунду-другую я держусь, но потом лезу в телефон, создаю группу в «Почтампе» и приглашаю туда весь 10 «В».

«Где, кто видел Фролкову последнее время?»

Отправить.

Пульс учащается, сердце выколачивает рёбра, будто пыльный ковёр. Мой телефон заваливают молодёжные манифесты, но новый чат пуст. И только через минуту или две всплывают сообщения.

Сегодня, 30 марта

Света-Лето Шупарская 9:07
Чё за?

Пользователь Света-Лето Шупарская покинулъ(-а) бесѣду

Катя Бабухадия 9:07
Ага?

Олег Петраков 9:08
Чё за пуйня, эт кто вообще?

Пользователь Мария Рempель покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Катя Бабухадия покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Олег Петраков покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Мария Рempель покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Ленка Павликовская покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Митяй Басов-Яроцкий покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Кирилл Разгуляев покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Кристина Меллендорф покинулъ(-а) бесѣду

Пользователь Аня Симонова покинулъ(-а) бесѣду

До меня доходит, что вместо «Где, кто видел Фролкову последнее время?» Артур Александрович написал «Где, кто вилед Фролкову п ослепнете вреия».

Ну да.

Я краснею не то от стыда, не то от смущения и удаляю группу.

– Сын мой, это ты там устроил? – спрашивает Валентин. – Не успел написать.

В ответном «угу» мне с трудом удаётся скрыть досаду.

Тем временем Сырок замечает мой интерес к Диане-киборгу и, покраснев, вырывает из тетради страницу.

– Нравится? Возьми.

Сырок с любопытством смотрит на меня, а я с таким же любопытством – на роботизированную Диану в моей руке. Сходство настолько удивительное, будто Диана сама позировала перед классом.

Знаете, однажды мы с ней играли в натурщицу и художника. В детстве, без какого-либо эротического подтекста. Помню, я тогда подумал, насколько Диана…

Нет, мне неловко об этом говорить.

Извините.

Секунды две я ещё разглядываю полотно Сырка, затем выбираю на ручке красный стержень и пишу: «*Где, кто видел Д. Фролкову последнее время?*» Перечитываю. Правлю «э» на «*с*». Ещё одна перечитка. Ещё одна правка: зелёная стрелочка к киборгу, под стрелочкой – синяя рожа с плачуще-умоляющими глазами.

– Ответь и пусти по рядам, – шепчу я Сырку и возвращаю страницу.

– Четвёртая парта! – Богиня наводит на нас указку, и мы замираем. – Будете дальше шептаться и щёлкать ручками – и вас поработят роботы. Уже создаются искусственные женщины! Сами знаете для чего. Человек уже совсем не нужен. Совсем. Люди, создающие роботов, говорят, роботы будут тащить. А вы шепчетесь и ручками всё, ручками.

Класс содрогается от хохота, и, поняв, что дальше на Богиню можно не реагировать, я расслабляюсь.

Сырок выглядит расстроенным, даже обиженным – но пишет ответ и передаёт листок назад.

Ну, извините.

На улице темнеет больше прежнего, небо будто опускается. В воздухе появляется запах свежей зелени. Урок уныло тянется к середине, а Диана-киборг гуляет себе по рядам и не думает возвращаться. Странная тревога, напряжение стягивает внутренности, и я передаю по партам, чтобы опросник вернули. Головы одна за другой поворачиваются назад, моя просьба запрыгивает на средний ряд. Сквозь стены и пол гимназии тараном проходит раскатистый гром.

– Раз вы хотите поговорить о геях и сексе, – замечает Богиня, – то давайте я тоже выскажусь: если гей откусил вам ногу, бегите!

О Господи.

– Да не о геях мы, – устало бурчит Олеся. – Тут социологический опрос.

– Все разговоры так или иначе о геях или сексе.

Богиня достаёт из сумки бутылочку, низко наклоняет голову и, бросив взгляд исподлобья, поспешно отпивает. По классу расползается аромат яблочного сока. Мне в висок ударяется бумажка и отскакивает в проход. Я с возмущением оглядываюсь, но Сырок уже наклоняется и поднимает комок.

Да, это мой опросник. Имеется пара ответов о гимназии (за авторством Сырка) и ППЧ (за авторством Валентина), но большую часть страницы занимает комикс о мужском причиндале и киборге. Вот причиндал страдает от одиночества, вот знакомится с киборгом и влюбляется в него. Вот в ЗАГСе киборг признаётся, что раньше тоже щеголял причиндалом, но затем сменил пол.

Я рассматриваю комикс со смесью любопытства, удивления и разочарования. В оригинальности автору не откажешь, но неужели сложно ответить?

Меня охватывает такое раздражение, что я выдираю чистую страницу из «Т-34» и быстро, наплевав на размер букв, пишу сверху: «*где кто видел л фролкову. за информацию помогу на химии или физике*».

Да, я упрямый.

– Ты решил всех довести? – спрашивает Сырок с робкой улыбкой.

– Да потому что нефиг…

Сырок со вздохом пишет: «*У гимназии, Кирилл*», подчёркивает раз шесть и обводит жирным квадратиком. Под квадратиком появляется роспись, сбоку квадратика – изящная печать с гербом. Наконец моя анкета перекочёвывает на соседнюю парту.

За окном с мягким шорохом накрапывает весенний дождь – будто рис насыпают в кастрюлю. Я смотрю на прозрачные тельца капель, которые распластываются на стекле, и вижу за ними полицейскую машину. Колёса её разбрызгивают грязь; свет фар облизывает окна противоположного крыла гимназии, мигает и гаснет.

Фоном разносится смех и постепенно переходит в истерику. Я понимаю, что пропустил очередную монументальную фразочку Богини, но не могу переключить внимание – кажется, будто полицейская машина привезла Веронику Игоревну, и она вот-вот выйдет. Конечно, это неправда, и автомобиль исторгает из себя лишь взъерошенного мужчину, который вскоре исчезает за краем подоконника.

Когда я всё-таки отвожу взгляд, класс шумит, будто ярмарочная площадь. С протекающего потолка оглушительно капает в предусмотрительно установленное ведро, Олеся снимает Богиню на телефон. На лице Сырка выражается крайняя степень удивления.

– Тю-тю… вам лишь бы дурака повалять, – говорит Богиня, копаясь на столе.

– Да! – раздаётся весёлое многоголосье. – Давайте ещё про роботов!

– Ну, что про роботов? Было время, когда в Союзе потребляли картофеля 30 кг на душу. Когда 30 кг… Тогда как Америка – 100 кг. При этом одним из ведущих направлений у нас была боевая парапсихология. Дальше большими буквами: «БОЕВАЯ ПАРАПСИХОЛОГИЯ».

– Пожалуй, запостю это в группу, – замечает Валентин. – То есть, запостчу. Запощу?..

Богиня обводит взглядом класс и… – за исключением звука голоса – пропадает, потому что ко мне возвращается листок с опросом о Диане.

– При этом от попытки воздействовать на мозг при помощи психотропных генераторов наши учёные отказались. Была разработана концепция солдат будущего. Не как биоробота-убийцы, а… напишите с большой буквы: Воина духа. Написали? С большой буквы!..

Сердце так колотится, что его пульсация в ушах заглушает остальные звуки. Я глупо моргаю и сосредотачиваюсь на анкете.

Кто-то поставил перед «когда» красную запятую, другой умелец нарисовал какаху, а третий написал по этому поводу «фу-у-у».

Ниже дрожит тень моей левой руки, которая зловещим надгробием перекрывает ответы:

У гимназии, Кирилл

В «Повешении, потрошении и четвертовании», сам помнишь, твой Валентос

В жопе!

Кто здесь?

В гробу в белых тапочках, запарил уже!

Фролкову давно не видела, но я бы с тобой позанималась… химией… физикой УГАДАЙ КТО Я

Для помощи в учёбе нужно хотя бы уметь писать без ошибок слово «информация».

Афган.

Какую? Пошла она на…

«Повешение, потрошение и четвертование» вроде? Объясни, как ты гвоздь тогда покрасил!!! (Маша)

Стесняюсь спросить: ошибки в вопросе, это так и задумано?

Она разве не обещала прийти сюда и бойню устроить?

Около заводских складов. С тебя – диагностическая, Менделеев

Этой суке трюфель надо молотком расхерачить

Да кому нужна его помощь? Вы чё? Про конденсатор ответить не может

В прошлом месяце, в гимназии, не помню, где / Серый

В Афгане, Митяй

Она ещё не сдохла?

Реально, в анал такую помощь. Фальшивые пятёрки мы и сами можем получить

У вокзала, дня три назад Аня

В ушах гудит. Листок буквально источает вампирическую злость: мигом лишает сил и приносит глухую обиду. Я не обманывался, будто меня считают гением, но откуда такое отношение? Может, слово «инфармация» у Артура Александровича и не получается с первого раза, но химия и физика мне нравятся, они легко даются – что плохого, если я предлагаю помощь?

Что?

– Так и да, и продегустируем, – пробивается сквозь шум в ушах Богиня. – Во сколько мы заканчиваем? Это первый урок? Ещё… семь минут? Так! Воины духа, кто вызовется на передовую?

Прежде, чем мозг успевает опомниться, моя рука поднимается к потолку.

– Э-а-а… – каркаю я и хмуро оглядываю класс, точно увижу своих ненавистников и одной решительностью, одной поднятой рукой их посрамлю. Конечно, глупо так думать – лицо у меня, наверное, сейчас особенно тупое. – ЧЁ делать?

Богиня показывает указкой на доску. Господи, не представляю, какую хрень несла эта безумная.

– Самолёты строят, чтобы они летали.

– Ты – левитирующий Воин духа, – шепчет Валентин, и по классу, как мышки, разбегаются смешки. – С большой буквы.

Я прокашливаюсь, неуклюже складываю пышущий злобой листок и прохожу между рядами. Свет молнии белым выжигает доску, выделяя контрастом трещину посреди. Кажется, будто края её сейчас разойдутся и затянут меня в чёрное нутро междустенья.

– Гроза! – с восторгом замечает кто-то. Ему вторят:

– Смотрите, гроза!

– …давайте похлопаем… – сквозь рёв грома говорит Богиня. – Манифест…

Несколько человек радостно, как дебилы, хлопают, но я чувствую в этих аплодисментах лицемерие и смотрю только на Богиню. Та невозмутимо протягивает бледно-голубой мелок.

– Так, манифест современной молодёжи. Манифест, с большой буквы, БУДУЩИХ ВОИНОВ ДУХА. Пишем все. С большой буквы!

Раздаётся ленивое шебуршение. Щёлкают ручки, кто-то прокашливается. Класс вновь зажигается белым-белым, и гром барабанной дробью проходит по округе: дребезжит стёклами, сметает с проводов чёрных птиц и вгоняет машины, припаркованные через дорогу, в сигнализационный ступор.

Две грозы весной? Выглядит, как плохое предзнаменование.

– Время идёт, Воин духа, – сообщает Богиня. – Тик-так. Тик-так.

Моя рука утыкает бледно-голубую рожицу мела в доску. Тараканы, омлет… и-и-и-и… Слизни?

Я осознаю, как глупо вызываться, если в голове нет нужного ответа. Осознаю, что точно получу клеймо «ТУПОЙ», если напишу о тараканах и слизнях с ошибками. Осознаю, что лучше бы угадал, какая девочка назвала меня «хорошеньким», или позлорадствовал бы, как сильно ненавидят Диану – но в мыслях, как в стиральной машинке, крутятся лишь слова о никчёмности.

То есть, эти люди говорят со мной на переменах, здороваются у гимназии, а втайне… презирают? Считают идиотом, которому оценки ставят за красивые глаза? За трах Вероники Игоревны с моим батей?

Листок ответов будто разгорается в кармане и опаляет ногу, живот, лицо.

Я сосредотачиваюсь и внимательно скребу по доске:

М А Н И Ф Е С Т

Мел плохой – не мягкий, а твёрдый, из тех, что царапают эмаль. Это неприятное ощущение передаётся от подушечек пальцев к спинному мозгу и ввинчивается куда-то в затылок – так, что хочется повести головой.

Мой «*МАНИФЕСТ*» доходит до овражка трещины и на букве «*Е*» пересекает его. Нет, серьёзно, откуда такая пробоина? Будто кто-то рвался наружу из доски и долбился рогами-ногами-головой.

Словно в насмешку, в шею ударяется бумажка и закатывается под умывальник.

– Воин духа, спишь ты или пишешь? – интересуется Богиня. – Времени нету – есть только жизнь.

Я ударяю мелом в доску, чтобы хоть так, звуком, взбодрить себя.

Манифест – девиз или типа того.

Да?

В затылок долбит ещё одна бумажка, отчего появляется желание почесаться, а затем – кого-то придушить.

Шум грозы стихает, и воцаряется неуютная тишина.

Я поднимаю руку с мелом и выскребаю первое, что приходит в голову:

СВОБДОНАЯ ФОРМА

В классе поднимается смех, и меня охватывает тревога.

Что? Что не так?

Ты перепутал буквы «*О*» и «*Д*». Соберись.

Я перевожу дух и начинаю пункт манифеста снова.

О чём вообще писали в моей анкете?

Гадости о Диане. Гадости обо мне.

Один человек упомянул гимназию.

«Твой Валентос». «Угадай, кто я».

Валентос.

Раньше он не тыкал меня в спину. Или тыкал, но редко, так, дурачась. А сейчас… сейчас в этих пытках прорывается некая злость. На что?

Я уже не обращаю внимания на звуки класса, потому что снова и снова прокручиваю в голове ответы о Диане.

Склады. ППЧ. Вокзал. Афган…

Афган?..

Бело-голубая спинка буквы «*З*» уходит в сторону, меня охватывает дрожь. Я делаю вид, что перечитываю текст на предмет ошибок, пока сам напрягаю память.

«Афганом» у нас называют район вокзала и складов за ним. Взрослые говорят, будто раньше там кипела жизнь – в советское время, когда заводы Северо-Стрелецка вовсю работали. Теперь это место пользуется дурной репутацией. Там постоянно избивают, насилуют, втыкают отвёртки в шеи, и ни одна живая душа не понимает, кому принадлежит это кладбище северострелецкой промышленности.

Пальцем я подтираю горбатую спинку «*З*» и дорисовываю «*Э*». «*ОГЭ*». Теперь верно.

Трое… нет, четверо написали об Афгане, о вокзале или складах.

Четыре, блин, человека.

Раздаётся звонок, от резкого вибрато которого меня охватывает беспричинный страх. Я ошалело отступаю от доски и оглядываюсь.

За окнами промаргивается солнце, и класс прочерчивают контрастные тени. Громко шлёпают в ведро капли с потолка. Народ шепчется, фотографирует меня, доску. Плохо соображая, что происходит, я перечитываю своё творение.

М А Н И Ф Е С Т

1. Свободная форма за хорошие оценки.

2. Опоздание на первый урок на 15–20 мин. без ора и вызова отца за отдельные достижения.

3. Учить только интересные предметы.

4. Оценка работы учителей учениками, и зарплата учителям с учётом их рейтинга.

5. Государство должно платить ученикам с учётом такого же рейтинга. Можно вообще рейтинг гражданина ввести, и за высокий рейтинг – особые привилегии. Например, иммунитет от коллекторов.

6. В топку ОГЭ, в топку ЕГЭ, в топку ДЗ.

7. Внутригимназиучрежденческие партии с увеличением самоуправления гимназистов вплоть до участия чемпионов гимназий в правительстве.

8. Передача власти в стране интеллектуальной элите.

Ошибок нет, я это вижу – ни одной долбанной ошибки, – но что-то не так, если весь 10 «В» включил камеры на телефонах.

Я ещё раз всматриваюсь в текст и лишь тогда, с холодком, с колючим стыдом понимаю: с грамотностью всё нормально, но буквы… буквы вычерчены в зеркальном отражении. Будто писало существо с ТОЙ стороны доски. С изнанки.

Сон девятый. Орфей спускается в ад

Помните ту фразу, которую писали на средневековых картах, когда обозначали неведомые земли?

«Там обитают драконы».

Наверное, так же пометили бы путешественники и наш Афган.

Вообразите себе железнодорожный вокзал, а вокруг него – улицы покрасивее, улицы, полные людей, улицы-модницы с кафе и неоновыми вывесками. Рабочий день. Звучат десятки голосов, шумят машины, пищат клаксоны. А потом, будто жилы во время пытки, из этого винегрета вытягивается всё яркое и живое – вытягивается, пока не остаются лишь два цвета: серый и запёкшейся крови.

Нависают одинаковые кирпично-красные постройки: окна заколотили досками, двери замуровали штукатуркой. Зловещие бетонные заборы перекрывают небо, прячут угрюмые пакгаузы и котельные. Отметки наводнения напоминают об уровне воды 5 октября 2014. Граффити на стенах предупреждают: «Это не страна, это ёбаная декорация».

Я сворачиваю в тёмный проезд между складами. Под ногами завивается старая узкоколейка (даже слово старое) – по ней явно не ездил ни один состав со времён Медведева, да и сама она явно не помнит, куда направляется.

Как и Артур Александрович.

Мои ноги уже третью неделю утаптывают местный асфальт, и настроение даёт сбои. Пока все гуляния вылились в дюжину пропущенных вызовов – от некоего человека, которого я записал под ником «Валентос».

Кто бы это мог быть? Хм-м-м.

Взгляд цепляется за новую деталь в однообразии кирпича и бетона: на пустыре между двумя цехами скопилось с десяток человек. Я вглядываюсь, и по моей спине проползает холодок, дыбом поднимает волосы – на грязной земле лежит труп под чёрным пакетом. Полиэтилен дрожит, хлопает углом на ветру, приоткрывая лужу засохшей крови – до странного тёмной, будто не человека убили, а маляр уронил ведро бурой краски. Рядом с мертвецом заполняет бланк молодой парень: форма полицейского отливает тёмно-синим, глаза осоловели от усталости.

Пытаясь не замечать труп, я подхожу к толпе.

– Простите! Вы не видели её?

Несколько человек смотрят на фото Дианы, несколько голов качаются в знак отрицания.

– Спасибо! – неискренне благодарю я и направляюсь прочь.

За такими односложными беседами минует несколько часов. В ржавых водостоках гудит ветер, дышат паром канализационные решётки. Пахнет вечной, неизлечимой, леденящей сыростью, которая ещё больше убивает надежду на успех.

Слишком много дней прошло. Слишком часто закрыты местные двери.

Слишком очевидно, что Диана уехала насовсем.

Воздух наливается вечерними тенями. В конце улицы вспыхивает оранжевым вывеска «Калитка навсегда» и тут же мигает, гаснет. Мой желудок урчанием напоминает, что с утра не принимал гостей.

Я ускоряю шаг, взлетаю по ступенькам, лязгаю дверцей. Внутри магазина бубнит радио и пахнет пирожками, которые жарили год за годом в прогорклом кипящем масле. Повар дрыхнет сидя, свесив голову на грудь, и кассир дрыхнет – положив голову на прилавок, шевеля дыханием чеки в коробке. Сонное калиточное урочище.

– Сорян, – тихо говорю я.

Кассир вздрагивает, выпрямляется и очумело смотрит на меня сквозь гигантские очки.

– Чего? – Небесно-голубые глаза моргают несколько раз, будто индикаторы на системном блоке. – Чего тебе?

– Скажите… Вы не видели? – Я показываю фото Дианы.

Он по-детски трёт глаза, вглядывается в снимок.

– Ты собираешься что-нибудь покупать?

С таким запахом?

– Чё-то нет… не хочется.

– М-да?.. Вот и отвечать не хочется.

В растерянности я развожу руками. Кассир смотрит выжидательно.

Стоит вообще этот разговор моих усилий? Сколько уже раз видели других, похожих девушек – не Диану?

Собеседник вздыхает, показывает, чтобы я придвинул ближе телефон и всматривается в фото. Очки сползают на кончик носа, так низко, что у меня самого чешется горбинка.

– Зачем ищешь-то? Втрескался?

– Подальше послать.

Кассир отклоняется на спинку стула и с минуту смотрит задумчиво.

– Да, – он театрально кивает, – у нас работала рыжеволосая девушка. Нет, – он едва заметно усмехается, когда я всем телом подаюсь вперёд, – не твоя зазноба.

Из-под прилавка возникает бутылка «Новотерской», газированная вода с шипением обрушивается в пластиковый стакан.

Я с шумом выдыхаю воздух и убираю телефон.

– Где ещё можно поспрашивать? Не знаете?

– В жопе, – отвечает кассир, когда перезагружается глотком минералки.

У меня внутри всё сжимается от его грубости.

– Молодёжь обычно там околачивается. – Он видит, что я не понимаю, рокочет отрыжкой и неохотно поясняет: – Бар такой. Клуб. Называется «Жопа».

– В самом деле?

– Нет. – Ещё глоток воды, ещё отрыжка. – Я, знаешь ли, шучу.

Из моего горла вырывается смешок.

– Ну и где находится ваша… м-м, «Жопа»?

Мужчина выразительно смотрит в ответ.

– Понимаю, название под стать. Как найти?

Кассир поднимает было руку, но молчит, ибо по радио объявляют семь вечера. Он и повар знающе переглядываются, встают. Я догадываюсь, что у них закончился рабочий день, и мигом ощущаю себя невыразимо лишним в этой калиточной.

– А… дорога? – напоминаю я и смущённо показываю рукой за спину.

– Отсюда наверх до часовни. Потом до Шестой линии. Там разберёшься.

Я благодарю кассира, направляюсь к двери, но, последовав минутному порыву, возвращаюсь.

– Можно одну штуку?

Мой палец утыкается в тёплое стекло витрины. Кассир останавливает пересчёт выручки, хмурится.

– Эти штуки зовутся калитками.

– Да, так… можно?

Плохо соображая, где ценник и сколько стоят пирожки, я нахожу и неловко протягиваю сотню.

– С какой начинкой?

– Да… всё равно. Любую.

Взгляд у кассира делается такой, будто его пытают

– Ты, наверное, думаешь, эти штуки – так, ерунда? Вроде беляша под водку?

Я нервно прыскаю.

– Нет?.. Что вы… нет!

– И хозяин этого заведения – какой-то делюга…

– Вовсе нет!

– А может, у него из поколения в поколение передают рецепты этих калиток? Может, когда здесь гудели заводы, все работники стояли к нему в очередь за этими калитками? – Кассир надевает на руку прозрачный целлофановый пакет, достаёт одну калитку, осматривает. – А теперь это никому не нужный район, на никому не нужной улице, в никому не нужном городе, где никому не нужны эти калитки, хотя, может быть, это очень вкусные калитки. Может быть, их пекла ещё его бабушка. – Он свободной рукой достаёт из-под стола бумажный пакет и продувает, чтобы придать объём, швыряет внутрь калитку. – А до бабушки – его прабабушка. По старинному рецепту, который можно найти в книге английского путешественника XVII века. Может быть, детей у делюги нет, и этот рецепт уйдёт вместе с ним, и больше эти калитки ты никогда не попробуешь. Другие, может, будут… – Кассир шлёпает передо мной пакет и отсчитывает сдачу. – А вот таких, по этому рецеп-кх-а-а…

Гортанный кашель обрывает его на полуслове. Давясь в приступе бронхита, кассир качает головой и уходит в подсобку. Одинокая калитка обжигает мою руку через бумажный пакет – обжигает так, словно ладонь окунули в кипящее масло.

Повар заканчивает уборку и терпеливо ждёт, пока я выйду. Он запирает за мной дверь на засовчик и поворачивает табличку с часами работы (чёрные цифры на белом) обратной стороной, отчего получается фатальное сочетание текста таблички с текстом неоновой вывески:

КАЛИТКА НАВСЕГДА

ЗАКРЫТО

***

По голубой проталине неба дрейфуют тяжёлые, как атомные крейсеры, облака. Иногда они закрывают солнце, отчего холодает, и я жалею, что надел вместо нормальной куртки балахон с Губкой Бобом. Иногда весеннее солнце прорывается, и верхушки растрёпанного леса за городом загораются рыжим пламенем – будто свечи. Тогда через улицу протягиваются ярко-жёлтые полосы, на стенах набухают смоляные тени. Длится это минут десять. Затем гурьбой наползают новые тучи и свет тускнеет, бледнеют очертания, и на глаза будто надевают синевато-холодный фильтр. Будто цвета и краски стекают с неба и домов, обнажая безликий, бесшовный мир.

«Мир Дианы», – ловлю я себя на мысли и тут же вздрагиваю от далёкого визга, который сумрачным эхом проносится над крышами. Ноги сами несут меня прочь от звука – на первую же улицу, где мелькают прохожие.

В детстве нас пичкали байками о заводском районе: призраки, убийцы и прочая требухня. Окно в дороге. Да-да: рама, стекло, подоконник, а под ними – полотно автострады. Словно дом захлебнулся в асфальте. Бр-р.

И без того немноголюдная округа зловеще пустеет и затихает, будто перед грозой.

Я сворачиваю на вторую слева улицу, как объяснил кассир. В нос ударяет запах шпатлёвки.

ТИПОГРАФИКА. МЫ ПЕЧАТАЕМ БЫСТРО И ДЁШЕВО
ADRAUREUR. ДОСТАВКА ГРУЗОВ ПО ВСЕЙ РОССИИ
БАР «ЖОПА»
ВНИМАНИЕ, ПРОПАЛА МАМА…

Волосы на загривке будто стягивает невидимая рука, я останавливаюсь.

Оно? Объявление Дианы тихо шелестит на ветру, левее темнеют двустворчатые двери бара, которые детально разрисовали под две половинки женской попы. Промеж них сочится приглушённый тяжеляк в духе девяностых, со стены белым неоном тянется стрелка с подписью: «Иди в задницу». Тут же висит мерзотный плакат «Фекального вопроса» – от концерта месячной давности.

Чувствуя тревожный азарт, я открываю левое полупопие и захожу в тёмный, с кислотно-жёлтой подсветкой зал. По ушам и подошвам ударяют басы. В дальнем конце помещения, в его пульсирующей хмари, танцует одинокая девушка. Из неонового марева поднимается фигура ди-джея, который держит в руке толстый шнур – держит не как провод, а как дубинку, будто чего-то боится.

– Куда! – Тень шагает навстречу. – Куда прём? Предупреждали ваших?

Я чувствую, как мои брови сами собой ползут на лоб: «Ваших?»

Тень изображает нацистское приветствие и следом – жест «убирайся подальше».

– А, – я как можно дружелюбнее улыбаюсь и выбираю на телефоне фото Дианы, – это стрижка. Современная стрижка. А я ищу свою подругу. Вы не?..

– Мне опять зубы с пола собирать? На выход!

Ди-джей ладонью указывает направление.

– Клянусь! Только посмо…

– На выход!

– Вам так сложно на фото посмотреть? – Я тычу сотовым вперёд и с обидой добавляю: – Неужели за две секунды пострадают чьи-то зубы?

Ди-джей замолкает. Размышляет с полминуты, затем берёт мой телефон и подносит ближе к глазам. Свет экрана мягко очерчивает качка-старика лет пятидесяти. Костистый лоб прорезают морщины, опускаются уголки губ.

– Не знаю, – тон ди-джея смягчается. – Ходила тут одна. Доходилась.

Весь мой азарт обрушивается куда-то, ноги слабеют.

– В смысле?

– В смысле район такой… – Ди-джей бросает взгляд на танцующую девушку и пожимает плечами. – То ваши делов наделают, то…

– Да не из скинов я! – Голос у меня дрожит. – Это точно она? Тут, на фото, она моложе.

– Не знаю.

– Как, не знаете? Вы только что…

– Не в мою смену было! Сказали… ну, хорошенькая, сказали. И что-то там про рыжий цвет. То ли куртка у неё рыжая. То ли волосы…

Ди-джей снова оглядывается на танцующую девушку и не заканчивает предложение. Руки её вспархивают, перекрывают неоновый свет и мягко опускаются.

– И чё теперь?.. – Я до боли стискиваю телефон. – Чё с ней? Где она?

– Кто? – Старик пытается отвести взгляд от танцовщицы, но голова его неизменно возвращается обратно, будто дверь на доводчике.

– Рыжая девушка!

– Я откуда знаю? Полиция вроде выезжала. Скорая. – Ди-джей наконец поворачивается и меряет меня неприязненным взглядом. – У них и спрашивай.

Голова бухает, когда я выхожу наружу. Солнце утекает за дома, вытягивает, будто на дыбе, сизые тени. Мне холодно, и почему-то тянет смеяться. Улица напоминает тёмный коридор: слева угрюмые пакгаузы, справа забор железной дороги; фонари ещё не зажглись. Не уверен, что они вообще здесь зажигаются.

«Посмеёмся, когда в ближайшее время найдут их трупы», – тихим, спокойным голосом девушки-коллектора отвечает память.

Да сколько рыжих девиц в городе?! Сотня уж точно наберётся, а найдутся и те, которые красятся, и русые, и блондинки. Блондинки при свете фонаря покажутся рыжими!

Возможно же, что бы ди-джей ошибся?

Конечно.

Он даже не видел ту девушку. Услышал от кого-то и пересказал мне, как запомнил. Старый испорченный телефон – не более.

Старый испорченный телефон.

Телефон.

Я достаю мобильный и набираю Диану.

– Данный номер не обслуживается.

В животе будто скручиваются ледяные змеи, но я держу себя в руках: переключаюсь на приложение «Почтампа» и открываю страницу Дианы. Она всё так же распята на аватарке, всё тот же статус заверяет, что не останется голосов, а останется лишь музыка. И только на стене – новое сообщение.

Олег Петраков
8 апреля 2018 в 22:12
Чё, мамочку потеряла? Поплачься

Я рассматриваю эти строчки непонимающим взглядом, и откуда-то из глубины поднимается тихое, зловещее отчаяние.

Почему в гимназии никто не знает?

«Посмеёмся, когда в ближайшее время найдут их трупы».

Издали доносится свисток локомотива.

Потому что ничего не случилось?

Потому что Диана уехала в другой город? Вслед за мамой? С железнодорожного вокзала?

Или потому что Диана в больнице? Потому что в коме?

«Посмеёмся, когда в ближайшее время найдут их трупы».

Округу ударной волной накрывает грохот поезда.

Я снова набираю Диану.

– Данный номер не обслуживается.

Мыча от бессилия, я оглядываюсь по сторонам. Отблески фар мчащегося товарняка мелькают на окнах и утаскивают за собой по фасадам, по переулкам дробные перестуки колёс. Громкие звуки режут слух, и какой-то звериный, инфернальный ужас – ужас НЕЗНАНИЯ – накрывает мой разум. С неимоверным трудом я заталкиваю его прочь и включаю карту на телефоне.

Больницы?

Полиция?

Взгляд мечется по линиям дорог и зданий, будто Минотавр в лабиринте, и голову стискивает боль. Нарисованные переулки и туннели обступают меня, перебивают дыхание, пока на краю зрения и сознания, во мгле страха и неизвестности, не мелькает красная пиктограмма полицейского.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПУНКТ ОХРАНЫ ПОРЯДКА № 5 РАЙОНА ЗАВОДСКОЙ
ПРИЁМ НАСЕЛЕНИЯ
ПОНЕДЕЛЬНИК-ПЯТНИЦА
С 16.00 до 20.00

***

Тридцать минут с омертвляющим холодом внутри. Со зверским ветром, гул которого и напор так сильны, что окна домов будто вгибаются в квартиры. С улицами, что вновь оплетают своими прохладными щупальцами.

Голова болит всё страшнее, в затылке пульсирует, и я не запоминаю, как вхожу в участковый пункт. Разом, будто из монтажной склейки, возникает холодное помещение. В соседней комнате звучит певучий женский голос, кто-то плачет, кто-то кашляет. Один на другого металлически блеют телефоны, в эпицентре которых, за стеклом, крутится усатый дежурный.

– Говоришь, рыжая? – уточняет он, когда в звонках образуется пауза.

– Да. Да!

– Если мы об одной гражданке, – усач прижимает трубку ухом к плечу и набирает номер, – так на месте… того.

– Чё?

– Скончалась, чё!

Всё в комнате обесцвечивается. Сердце стучит так, что не хватает воздуха.

– П-посмотрите на фотку? – выдавливаю я наконец и непослушными пальцами вытаскиваю телефон. – Э-это точно она? Она?

Дежурный уже говорит в трубку и останавливает меня жестом руки.

– Я её не видел.

– А есть кто-то?..

– Сейчас нет. Заявление писать…

Он замолкает и с удивлением смотрит через окошко, потому что я открываю рот и не могу ни вдохнуть, ни сказать, только челюсть ходит вверх-вниз ходуном.

– П-прошу! Я не смогу ждать! Я м-могу её увидеть? Это, кажется, м-моя…

В голову приходит, что Диана уже пару лет мне как чужая, и это мешает придумать толковое окончание фразы. Моя – кто? Бывшая сводная сестра? Бывший друг? Как такое называется?

От глупых мыслей горло взрывается лошадиным, неискренним ржанием, которое болью отдаётся в затылке.

– Что смешного? – Дежурный хмурится, принимает очередной звонок. Отвечает и с мягким «дзинь» кладёт трубку на место. – Заявление пишем на твою девушку?

«Твою девушку», – безумно хохочет эхо в моей голове.

– Чё?!

– Заявление?

– В смысле?..

– Я за такие вещи не отвечаю. – Дежурный отходит от стекла, хватает из пачки лист А4. – Да что ты ржёшь-то? Припадочный?

– Нет, вы не поняли! – От хохота выступают слёзы на глазах. – Я могу её опознать! Я…

Горло пережимает тошнота: обрывает и фразу, и приступ нелепого смеха. Полицейский возвращается к телефонам, суёт в окошко бумагу и принимает новый звонок.

Я смотрю на лист с заголовком «ЗАЯВЛЕНИЕ» и ничего не понимаю. Повторяю дежурному, что ищу Диану, свою Диану, а нашли, может быть, вовсе не её, и это надо знать точно. Зачем-то вспоминаю Холм смерти, уроки Вероники Игоревны и с отчаянием сознаю, что дежурный меня не слушает. Он слушает только звонки (визгливое «др-р-р-р») и, словно многорукий телефонный бог, всякий раз угадывает нужный аппарат.

Не зная, что ещё сделать, я пишу номер мобильного поперёк заявления и толкаю бумагу в окошко. Усач роняет её, подбирает, роняет снова. Откладывает.

Какой-то тихий ужас.

– Скажите хотя бы, кто ею занимается? Есть же человек? Один человек!

Дежурный вздыхает и оглядывается на дверь во внутренние помещения. Подтягивает брюки, неохотно выстукивает на одном телефоне номер и тихо, как бы боясь лишних ушей, спрашивает:

– Санёк? Кто рыжую ведёт?

Ответ едва слышно фонит из трубки.

– У нас их много, конечно, – дежурный поднимает взгляд к потолку. – Каждый, сука, вторник находят по дохлой рыжей девке, потому что у нас их в районе девать некуда, хоть на зиму соли.

Меня неприятно поражает циничность фразы, но возмутиться я не успеваю: едва различимо звучит голос из телефона, затем дежурный швыряет трубку в док-станцию и произносит странное слово «мухлади».

– Чё?

– Мухлади. Он пока на обходе.

Зачем мне эта информация? Что с ней делать?

– Н-наверное, подожду.

Стиснув челюсти и не говоря более ни слова, я сползаю на металлические стулья.

Телефоны звонят и звонят. Часы над усачом зловещим маятником отсчитывают время: «Щёлк-тр-р-р-Щёлк-тр-р-р…». Дежурный выходит в соседнее помещение, возвращается, кому-то звонит, равнодушно глядя на меня. Выходит снова. Доставляют двух подростков с

кровью на кулаках и лицах, тихого и улыбчивого бомжа. От телефонного крещендо головная боль усиливается до темноты в глазах, до тошноты, и на деревянных ногах я направляюсь к кулеру. Наливаю горячую воду, и пластик стаканчика делается мягким и податливым, обжигает пальцы. Это чувство немного отрезвляет, заземляет меня, и я через боль несу стаканчик к стульям. Вспоминаю о калитке и достаю бумажный пакет, лоснящийся посерёдке от жира. Поначалу вкус пирожка не ощущается – только ноет внутри, словно под грудину всадили рыбью кость, – а потом разум будят сигналы рецепторов: солоноватое тесто, картофельное пюре. Корочка из сметаны и яйца.

Я осознаю, что голоден. Голоден страшно, с утра, и в желудке даже на донышке – там яма, бездна, а калитки уже нет, и в стаканчике пусто.

Меня тянет прочь: из участкового пункта, на улицу, вдоль забора с колючей проволокой. В ближайшем «Магните» я покупаю чай с лимоном и ватрушку. Съедаю там же божественно сладкую ватрушку, выпиваю горячий чай и чувствую, как страх понемногу уходит.

Всё это недоразумение.

Я покупаю ещё одну ватрушку и возвращаюсь в участковый пункт. Съедаю и её, вспоминая калитку, до странного вкусную, как готовят только дома, с любовью. Головная боль понемногу отпускает мой череп. Куда-то в щели между половицами уходит страх.

Точно недоразумение. Диана мертва? Не смешите!

Диана, которая съехала стоя на ногах с Холма смерти – мертва?!

Не поверю. Ха-ха. Да в жизни не поверю!

Заходит полицейский с папкой: переговаривает с дежурным, и тот показывает на меня. От этого взгляда резко сводит живот. Полицейский скрывается во внутренних помещениях. Приходит бледная, как призрак, женщина, кричит на усача, и виски мои снова будто раздавливает обручем.

– Старший участковый уполномоченный, капитан Мухлади. Ты насчёт погибшей?

Я с тревогой осознаю, что надо мной нависает тот полицейский с папкой. Мух-ла-ди? Он выглядит странно знакомым.

– Д-да. Здрасте.

– Тебе исполнилось шестнадцать?

Моё обоняние улавливает тяжёлый дух перегара.

– Естественно!

– Документы.

– Да есть мне шестнадцать! – Я киваю головой в подтверждение.

– Документы!

– Ну дома паспорт! Зачем?..

Лицо Мухлади черствеет.

– Родители далеко? Позвонить можешь?

– Да! То есть нет! Отец в прошмандировке, то есть в командировке, он так называет. Там… – Я чувствую, что сдуваюсь от эмоций, от потока слов и заканчиваю еле слышно: – Там он не отвечает.

– Мать?

Когда у меня спрашивают о ней, в голове возникает одна и та же зимняя ночь. За окном подвывает снег, пурга, я лежу под тяжёлым пуховым одеялом. В темноте мерцают красные цифры будильника: двадцать три – шестнадцать. Приглушённо бормочет телевизор на кухне, и тихо звучит голос мамы, которая говорит по телефону в комнате родителей. Она рано развелась с батей, и больше воспоминаний о ней не осталось. Совсем не осталось, ни одного, так что я часто размышляю, реальна ли эта картинка или выдумана. Может, смешались несколько разрозненных кусков? Было ли одиннадцать вечера? Была ли метель за окном? И голос, который звучит в моей голове, – её ли? Или Вероники Игоревны? Или любой другой батиной девицы?

– Мать?! – нетерпеливо, громко повторяет Мухлади.

– Она в Китае где-то. Мы с ней не…

– Классный руководитель?

Пропала. Ха. Без вести. Ха. Ха.

– С ней некоторые проблемы.

– Хоть кто-то у тебя имеется без проблем?

Не понимая смысла этого допроса, я растерянно смотрю на Мухлади. Он секунды две ждёт ответа, затем отводит взгляд.

– Без представителя не положено.

– Я достаточно взрослый.

– Так предъяви документы! – раздражённо повторяет Мухлади. – Потому что я вижу школяра, которому ни курить нельзя, ни пить, ни…

– В интернете каждый день выкладывают ролики, где человек сам себе отпиливает ногу. Младенцев вешают на крюки, людям отрывают головы, конечности, сиськи-писькИ и всю эту кровь-кишки-кости размазывают по экрану. Чем ВЫ меня удивите?

К концу фразы в моём голосе проступает столько раздражения, что лицо Мухлади вытягивается. Он оступается и хватается рукой за стену, будто на миг потерял равновесие. Глаза его расширяются. Некоторое время Мухлади приходит в себя от неожиданной качки, затем спрашивает:

– Как твоя пропавшая выглядит?

– Рыжая. Длинные волосы. Дылда.

Я говорю это, и внутри всё замирает. Хоть бы ТА, другая, оказалась светлее оттенком. Хоть бы…

Глаза Мухлади открываются, пугающе-внимательно осматривают меня, и с заметной неохотой он кивает идти следом. Мой страх возвращается – разом, ледяным копьём в живот. Голову ведёт в сторону, горло обжигает горечь рвоты, которая вот-вот выплеснется наружу.

– Когда видел последний раз?

Когда?

– Ну… О-ох… – на миг я теряюсь, затем вспоминаю: – С м-месяц назад, на шестьдесят пятом!

– На мосту?

– Да-да! На мосту. То есть не совсем! Я был на мосту, а она… она…

Передо мной, как мясной холодец, трясётся коридор из одинаковых бежевых дверей, сворачивает, уходит на лестничный пролёт. Чтобы унять головокружение, я замолкаю и смотрю только на ботинки Мухлади, с которых комьями отваливается бурая грязь. До меня вдруг доходит, где я видел участкового: пару часов назад, на пустыре. На камне, с папкой.

– Откуда её знаешь?

– Она с нами жила. Несколько лет. Мы, как бы… дружили.

– Почему думаешь, что пропала?

Почему так думаю? Хороший вопрос. Даже отличный. По… тому?..

– Не отвечает. И дома… дома нет её. Мама пропала. Её мама то есть. И долги. Коллекторы!

– А нечего кредиты набирать. Привыкли жить красиво… – Он замолкает на секунду и затем тихо, зло спрашивает: – Что ж ты месяц ждал? «Друг».

Ощущение, будто по моему лицу бьют тухлой рыбой.

За плечами Мухлади мелькает кабинет с цифрами 105. Лязгает замок, дверь уходит внутрь. Мухлади протягивает руку вбок, щёлкает выключателем, и над нами хлопает-перегорает лампа. Я цепенею от страха, от неожиданности, но мой спутник будто и не замечает аварии.

– Что при себе имеет?

Вспоминается лишь барахло из детства: стёклышки, жвачки, магнит.

– Ты меня слышишь?

– Сигареты! – выпаливаю я. – Она курит вроде… стала курить.

– Ещё.

Мухлади щёлкает туда-сюда выключателем, пока не понимает, что свет не загорится. С чертыханьем садится, запускает компьютер.

– Когда пропала? Месяц назад?

– Не знаю. Мы давно… я давно не…

Меня заглушает рёв машины. Блики от фар лижут потолок кабинета и пропадают.

– Приметы… – Мухлади лезет в металлическую тумбочку и на ощупь, словно по шрифту Брайля, перебирает папки.

– Приметы?

– Родимые пятна, шрамы, веснушки. Травмы.

– Н-ну…

Мысли закручиваются каруселью, но сосредоточиться я не могу: только мычу и смотрю, как компьютер загружается. Его синеватый свет озаряет Мухлади и стену за ним. С детского рисунка смотрит рыжий котик, с иконки – Алексий Стрелецкий, он глядит печально, скорбно, будто знает тяжкую ношу каждого гостя этого кабинета. Между святым и кошаком – карта города, ощетинившаяся флажками и покоробившаяся от перепадов температур.

Мухлади с лязгом задвигает ящик и скармливает голубую флешку компьютеру. Долго и неудачно авторизуется, наконец отыскивает логин и пароль на стикере, приклеенном к монитору, входит в систему. С минуту кликает по папкам, затем поворачивает ко мне экран.

– Узнаёшь?

Плохо соображая, я разглядываю сто рублей, сложенные в виде оригами-журавля. Старый-старый календарик, где четыре кирпичных куба венчают мост-плотину над полноводной рекой. Оранжевый пакет из «Поморских аптек».

Оранжевый и рыжий – это одно и то же?

Может, не девушка рыжая, а только пакет?

– Ну? – торопит Мухлади.

– Нет… В-вроде.

– Нет или вроде?

– Сейчас…

Я судорожно достаю телефон и нахожу снимок Дианы. Мухлади закатывает глаза.

– На хер мне её фото?

– Можно без мата?

– Учить будешь, как говорить?

– Ну я же не матерюсь.

Мухлади нервно дёргает нижней челюстью.

– Лица – нет. Точка!

– То есть? Я…

– Приметы назовёшь? – Он с досадой перебивает меня. – Твоя подруга или моя?

Тухлый комок подкатывает к горлу. Я сдерживаю резкие слова одной-единственной мыслью: наверное, Мухлади пьян. Пахнет же от него перегаром? Вот он и грубит – ибо напился не настолько, чтобы лыка не вязать, но уже осмелел, уже говорит всё прямо, наотмашь, нараспашку. Ибо море по колено и чихать на людей.

– Рыжая, – глухо отвечаю я. – Шрам на животе. От аппендицита. Вроде. Шрам на шее. Её собака в детстве погрызла. Вроде…

– Вроде… Всё у тебя, смотрю, «вроде».

Я стискиваю зубы. Он с досадой поворачивает монитор к себе, минут пять клацает мышкой. Металлически хрюкает принтер, гудит, давит из себя стопку фотографий. Мухлади перебирает их и протягивает мне одну.

Сперва я вижу что-то тестообразное, в оттенках старой овсянки. Лишь пару секунд спустя мозг распознаёт плечи, шею, туловище. Колтуны рыжих волос. Рыжую прошлогоднюю траву в земле. Рыжую поросль между ног погибшей.

Косой шрам на животе.

Мне делается страшно, неловко и мерзко. Я смотрю на обнажённое туловище мёртвой девушки, которой явно вырезали аппендицит, и не понимаю, вижу ли рубец на её шее или вижу грязь, тени и потёки чернил принтера.

Почему она вообще голая?

Почему она голой валяется на земле?

– Н-не знаю.

– Блядь, – тихо ругается Мухлади и выдёргивает снимок из моей руки. – Ещё приметы назовёшь?

До меня доходит, что фото сделали на пустыре. На том пустыре, где я видел труп, где чёрный пакет угрюмо хлопал на ветру.

Г-господи.

– Веснушки? – предлагает Мухлади. – Родинки? Хоть одну вещь ты помнишь?

– Ей два коренных удаляли!

– Я счастлив.

– Это не поможет?

– Это поможет, когда проснётся и опохмелится наш судмедэксперт. Я не биолог и не зоолог, чтобы лазить ей в рот. Внешние приметы!

– А может… может, всё-таки лицо?

– Ты тупой?

Мухлади поворачивается и смотрит глаза в глаза. Я обиженно молчу, пока не соображаю:

– Ну я, пф-ф-ф… на сгибе локтя! Правого. Там, как бы, созвездие.

– Созвездие! – с презрением повторяет Мухлади и снова перебирает фото, и снова отправляет на печать.

Кабинет заполняют ароматы горячего пластика и чернил. Из принтера медленно вылезает сгиб руки, на котором темнеет россыпь пятнышек – не то грязи, не то… родинок? Белые пальцы, очень длинные, тонкие пальцы. Чуть поодаль, обрезанная кадром, чернеет рукоятка пистолета.

Виски мне сдавливает.

Откуда у Дианы пистолет?

Ну откуда?

Грязь. Точно грязь. Капли её похожие на созвездие – ну и что? Машина проехала по луже и обдала девушку фонтаном из лужи. Вот и объяснение.

– Покажите лицо! – не выдерживаю я. – Прошу вас. Чё есть. Н-не могу так.

Мухлади раздражённо морщится. Перебирает снимки, снова лезет в металлическую тумбочку, тут же с грохотом заталкивает ящик обратно.

– Шестнадцать исполнилось?

– Ей? Или…

– Блядь!

– Исполнилось мне шестнадцать. Можете сказать, исполнилось.

– Кому сказать? – Мухлади резко поворачивается. – Кому?! Послушай меня внимательно: у неё вместо лица… раздавленный арбуз. Эта дура в голову себе выстрелила. В голову! – Он лупит себя по виску. – Видел ты такое в своих роликах? Хорошо понимаешь, что это значит?

Потому что я не хочу иметь проблем, если ты потом начнёшь ссаться в простыню или бросаться под поезд. Понимаешь? – Мухлади горячится, повышает голос. – Я не хочу, чтобы твои родители, друзья, девки, – на каждое слово он тычет пальцем в сторону дверного проёма, будто там застыл невидимый призрак и не уходит который день, который год, – ко мне ходили и обвиняли, что я тебе психику, сука, сломал, что я тебе жизнь испортил, душу твою юную… искалечил.

Мне делается дурно, жарко, но я нахожу силы фальшиво улыбнуться.

– Нет-нет. Всё будет хорошо. Покажите лицо. П-прошу.

Мухлади с минуту смотрит на меня так, словно вот-вот придушит. С оттяжкой хлопает ладонью по столу и отворачивается. Несколько томительных секунд мы наблюдаем, как по железнодорожной насыпи за пакгаузами беззвучно уносится серо-стальная пуля экспресса. Когда поезд исчезает в вечерней мгле, Мухлади вздыхает и, разыскав на компьютере снимок, отправляет его на печать.

Я зажмуриваюсь.

Есть термин, который называется «ошибка игрока». Обычно люди думают, что будущее зависит от прошлого, что существует вселенский баланс между хорошими и плохими событиями. Что если вы проигрываете в казино раз за разом, то шансы сорвать куш растут.

Пока принтер гудит и тужится, выпихивая из себя очередную фотографию, я подсознательно жду, как после этих долгих, кошмарно долгих и беспокойных часов наступит что-то хорошее. Я жду этого, хотя знаю: ничего во Вселенной не изменилось, и нет никой кармы, и нет баланса. И жопа, если она суждена, накроет с прежней вероятностью.

Принтер замолкает, наступает зловещая тишина.

– Опознавать будешь? Или ещё посидим?

– Замолчите. Прошу вас.

Не слушая ответную ругань Мухлади, я перевожу дыхание и протягиваю руку за распечаткой.

Ещё вдох.

Ещё выдох.

Открываю глаза.

Сон десятый. Она

Мы всегда запаздываем. Всегда чуть позади. Всегда немного в прошлом в нашем осознании настоящего – ведь сначала оно случается, и только потом реагируют глаза и уши: переводят свет и звук в импульсы и отправляют в путешествие по нейронам. Скорость передачи огромна – ни один компьютер не сравнится, – но конечна. Вот и образуется эта пауза, этот промежуток.

Это опоздание.

Я до боли осознаю, что опаздываю. Опаздываю бесповоротно. На долю. На мгновение, но уступаю неумолимому течению жизни и теперь в отчаянии гонюсь за ним – из кабинета, из полиции, вдоль по улице.

Здания из красного кирпича и бетонные заборы сливаются в серо-бурое месиво, в нос лезут запахи сырости и тления, в уши – механический женский голос:

– Данный номер больше не обслуживается.

– Данный номер больше не обслуживается.

– Данный номер больше не обслуживается.

Мне плохо. Хочется присесть и сунуть два пальца в рот, и ледяным червём – даже не в разум, а куда-то в глотку – вползает воспоминание о Холме смерти: северное сияние, жгучий мороз, свист Дианы.

Нет, Диана, не подействовало твоё колдовство. Оно вообще не действует, потому что в нашем мире нет магии. Ни святых, ни богов, ни спасительной кнопки, ни спасительного слова. Никто не поможет, когда твоей матери опять стукнет куда-то уехать или когда перед внутренним взором вздуется перемолотое лицо: кости, мозги, опухшие веки. Зеленовато-синяя кожа. Выдавленный чёрный глаз, вытекший зрачок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.